

Владимир Зангиев

Месть Ахсартага

12+

Владимир Зангиев
Месть Ахсартага

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Зангиев В. А.

Мечь Ахсартага / В. А. Зангиев — «ЛитРес: Самиздат», 2010

ISBN 978-5-532-95363-5

Остросюжетный исторический роман о некогда могущественном народе аланов. Охватывает малоизвестный период – 1 век н.э. Описана жизнь и культура некоторых существовавших в ту эпоху государств и народов, их связи, быт, войны, а также, сложившаяся на тот момент геополитическая ситуация в мире. Через многострадальную судьбу главного героя показана суровая действительность того времени. Обилие поединков, сражений и других конфликтов насыщают повествование яркостью сцен. Философские размышления делают текст привлекательным не только для юного читателя. И ещё, немаловажная деталь: произведение пронизано духом патриотизма, любви к Отечеству и историческим корням российского народа.

ISBN 978-5-532-95363-5

© Зангиев В. А., 2010
© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

От автора	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владимир Зангиев

Месть Ахсартага

От автора

В истории Земли существовало много народов. Некоторые из них после своего пребывания оставили глубокий след, простирающийся в веках. Иные бесславно канули в Лету, и нынешние поколения начисто забыли об их существовании. А какие-то этносы вследствие политических либо иных причин сознательно предаются историками забвению или искажается их историческая значимость. В этом романе я хочу рассказать о некогда славном и замечательном народе аланов, образовавшемся из скифо-сарматских племён, и именно о том малоизвестном периоде, когда только зарождалась аланская общность.

Так кто же такие аланы? Первые упоминания о них в исторических летописях относятся к 1 веку нашей эры. Сарматское племя аланов, называвшее себя иронами, создало союз арийских индо-иранских племён, расселившихся в Северном Причерноморье, Приазовье, возле Каспийского моря и у Кавказских гор. Древнеримский историк Аммиан Марцелин (330 – 391г. г.) об аланах писал: «Почти все они высоки ростом и красивы, волосы у них русые; они грозны свирепым взором своих очей и быстры благодаря лёгкости своего вооружения... Аланы народ кочевой, живут в кибитках из войлока, крытых корой. Они не знают земледелия, держат много скота и лошадей. Все они лихие наездники и ходить пешком считают недостойным. Их занятия – грабёж и охота. Они любят войну и опасности. С убитых врагов снимают скальпы и украшают ими упряжь своих коней. Они чтят бога войны и поклоняются ему в образе меча, воткнутого в землю. Все аланы считают себя благородными и не знают рабства».

Другое название аланов – асы (осы), а страну называли «Овсети» (Осети). Их степная империя просуществовала до 4-го века. Потом в 6-8 веках Аланское государство после гуннского разгрома снова возродилось. А вообще, четырежды в истории аланов они были на грани истребления: от гуннов (4 век), от нашествия арабского халифата (7 – 8 века), от татаро-монголов (13 век) и от полчищ Тимура (Тамерлана) из Азии (14 век).

Хранят предания далёкой старины славную память о благородных аланах. Огромная тяга к самоопределению и необычайная отвага этого древнего народа позволили ему, преодолев все тяготы, выстоять в поколениях и сохранить свою самобытность до наших дней. В сознании теперешних обитателей Земли укоренилось ошибочное мнение, будто древние наши предки в интеллектуальном развитии уступали современному человеку. Но это совсем не так и, чтоб убедиться, достаточно ознакомиться с сохранившимися до наших времён образцами мировой литературы, философских учений, архитектурных творений, технических достижений.

Прямыми потомками аланов на территории России являются нынешние осетины. Примечательно, что славяне ведут свою родословную от скифов, сарматов, аланов.

У меня никак не складывалось в уме: почему кто-то решил, будто российское славянство зародилось лишь в 9 веке? Я стал искать истоки возникновения народа в разных исторических документах, дабы в моём сознании сплелась аргументированно обоснованная историческая канва событий. И, ознакомившись с фактами, пришёл к выводу, что история народа в угоду политической конъюнктуре искажена и далека от реальности, грубо нарушена хронология происшедшего. А началось всё с того, что, руководствуясь измышлениями приближённого Петра -1 Якова Брюса, первые российские историки Татищев и Карамзин писали не историю народа, а историю правящей династии немцев Романовых. Поэтому, чтобы увязать этих правителей с якобы принёсшим цивилизацию на дикие славянские земли Западом и была сочинена норманнская легенда. Но больше всего поспособствовали в фальсификации древней истории

Руси приглашённые немцы-историки Готлиб Байер (1694 – 1738), Герхард Миллер (1705 – 1783), Август Шлёцер (1735 – 1809). Они придумали бессвязную историю Киевской Руси, которая противоречит текстам древних летописей. Карамзин только упорядочил писания немцев и в «Истории государства Российского» привёл лишь собственную версию, основанную на их трудах. Эта концепция и стала основой российской историографии на века. Древнерусская же языческая история цинично игнорировалась. Так, неожиданно 862 год, на основании «Повести временных лет» преподобного Нестора, стал считаться годом основания русского государства. А между тем, ещё в скифский период (7 век до н. э. – 4 век н. э.) было известно о существовании славянских племенных образований венетов, склавен, антов.

Теперь относительно скандинавской теории национальной принадлежности Рюрика. Ломоносов М.В. писал про ильменских славян «... Старая Руса издревле называемой, довольно показывает оная в сем справедливость и что прежде Рурика жил тут народ руссы или россы или по-гречески роксоланы называемый». В «Книге Велеса» сказано, что в Предгорьях Северного Кавказа, в Волжских и Донских степях существовало славянское царство Русколань, в котором все роды составляли единый народ русых аланов. А неизвестный географ 7-го века из Равенны указывал, что народ роксоланов проживал в районе Дона. Им упоминается город Малороса в дельте Кубани. Малороса по-осетински означает «болото россов». И действительно дельта Кубани болотистая.

Целая династия князей существовала и до Рюрика у новгородских славян. Следующий любопытный факт приводится в Иоакимовской летописи.

У последнего князя Гостомысла (844 – 863 годы правления) в старости не осталось наследника. По наказу Гостомысла новгородцы пригласили на княжение его внука из родственного славянского племени в Вагрии (Варягии) – вандальской славянской провинции, где была замужем за князем бодричей дочь Гостомысла Умила. Да и сам Гостомysl ранее был некоторое время вождём бодричей. Вандалы в то время имели то же наречие, обычаи и веру, что и россы. Рерик (сокол по-славянски) являлся потомком князя Словена и внуком Гостомысла, сыном дочери Гостомысла Умилы, выданной замуж за Годослава, князя славянского племени бодричей, жившего на побережье Балтийского моря. Достоверность приведённых здесь утверждений подтверждается археологическими, лингвистическими, генетическими и антропологическими исследованиями специалистов. Как говорится, истина прежде всего!

Этот острсюжетный роман, действие которого происходит на фоне подлинных исторических событий 1-го века нашей эры, создан для того, чтобы с помощью произвольного повествования приобщить россиян к их далёкой истории, познакомить с бытом, традициями, вероисповеданием древних народов, населявших территорию нашей страны. На страницах произведения фигурируют известные исторические личности той давней поры. Главный герой романа алан, который волею судьбы в детские годы оказался в рабстве на чужбине. Долог его обратный путь на родину, пролёгший через многие страны, через тяжкие испытания, закалившие дух воина. Священный долг мести за убитого отца вдохновляет Ахсартага в преодолении всех препятствий.

Произведение изобилует многими кровавыми эпизодами и ожесточёнными сражениями вовсе не от того, что автор так пожелал в угоду обывательскому популизму, а потому что мне захотелось донести до современного читателя всю суровую действительность тех времён, когда природой осуществлялся естественный отбор и в горниле истории, на фоне исчезающих целыми этносами народов, выживали наиболее сильные телом и духом. Многие примеры необузданной жестокости взяты из дошедших до нас из глубины веков документальных источников.

И ещё хочу отметить, что благодаря доктору исторических наук, известному алановеду, профессору Владикавказского университета Бзарову Р.С., консультировавшему эту работу,

стало возможным воссоздать исторические события той далёкой эпохи и изложить их в легко-доступном для восприятия художественном произведении.

Думаю, читатель, проникшись колоритом той героической поры, достойно воспримет духовное наследие предков, заключённое в безграничной любви к родному краю и вековым традициям.

Желаю приятного прочтения!

Владимир Зангиев,

член Союза российских писателей

Глава 1

Течёт, течёт Схагуашё...
Усталый всадник спешился.
Мешок дорожный свесился.
И рябь колышется в душе.

Суровый взор, с изломом бровь,
чёрной стали тусклый блеск...
волны речной спокойный плеск...
Потух закат, – как гнев багров.

Роится дум круговорот...
Лишь бог всё знает наперёд.
Судьба по жизни проведёт
к тому, что в будущем грядёт.

Чужих копыт тревожный стук
поймал алана острый слух.
А разговор погони глух,
как-будто булькает бурдюк.

В смертельной ругани клинков
к себе влечёт героя смерть, -
презрев земную круговерть,
он к ней заведомо готов.

Удар коварен. Меркнет взор.
В спине застрял чужой клинок.
Трагичен месяца венок.
А эха плач с далёких гор
едва доносит к нам: сы-н-о-о-к!..

Течёт, течёт Схагуашё...
(Схагуашё – древнее черкесское название одного из притоков реки Кубань)

Кругом вздымались чёрные громады отвесных скал. Их остроконечные вершины хищно вонзались в небо, по которому пронеслись серые, словно клочья растрёпанной овечьей шерсти, низкие облака. В изредка возникающих рваных разрывах показывалась холодная небесная лазурь, словно озираясь, на короткий миг появлялось обескровленное солнце. Всё время накрапывал гадкий и пакостный, как всё в этом чужом краю, дождик. Его холодные струйки, крадучись, будто жулик в карманы, стекали по волосам и проникали за ворот, вызывая мерзкие ощущения. По спинам гуляла дрожь. Пахло плесенью, свежей хвоей и студёно-пронизывающими ветрами. Сверху парил стервятник, казалось, без цели и смысла, но в полёте его ощущалась тревога. Конские копыта скользили, и смачно хлюпали по разверзшейся хляби под ногами, глухим эхом отдаваясь по узкому кривому лабиринту сырых ущелий.

Пятые сутки конный отряд в сотню всадников продирался среди чужих иберийских скал, выискивая проходы в горных хребтах для аланской армии, нацелившей удар по государствам Малой Азии с целью распространения влияния за пределы обжитых степных территорий, ибо новая империя кочевников быстро набирала могущество и уже не умещалась в ранее установленные границы. Поднятие благосостояния племён, рост уровня жизни народа, выраженные в резком увеличении поголовья скота, благодаря которому существует кочевое сообщество, – всё это требовало освоения новых пастбищ. Поэтому аланский багаир (царь) Амбазук повёл политику на расширение границ кочевой империи, и назначенный им полководцем скептух (племенной вождь, полководец) Амаг осуществлял державную волю на юго-востоке. Неисчислимая конная армия скептуха томилась в ожидании приказа к действию. Главный военачальник отправил несколько конных отрядов в скрытные разведывательные рейды с целью обнаружения удобных проходов для армии в Кавказских горах, чтоб вырваться на оперативный простор и приступить к боевым действиям.

Разведчики изредка видели высоко над собой пасущиеся на высокогорных альпийских лугах скудные овечьи стада. И всё в этом краю выглядело убого и жалко: редко встречающиеся лачуги пастухов, голые скалы, даже из диких животных кроме кабанов да волков никто не попадался – и не поохотишься толком. Заметив вооружённый отряд, пастухи испуганно убежали, прячась среди расщелин и складок местности. Аланы не придавали этому особого значения, но тревожила нависшая тишина и отсутствие каких-либо сторожевых кордонов на пути. Всадники, зябко закутавшиеся в промокшие войлочные плащи, напоминали своим видом нахолившихся пернатых, а выглядывающие из-под накидок чешуйчатые доспехи только усиливали сходство с птичьим оперением. Но торчащие кверху копыя, свисающие с поясов мечи и прикрепленные к конским седлам тугие луки свидетельствовали о серьёзности намерений оказавшегося здесь отряда.

– Какая мрачная страна. Всё время льёт дождь. Неужели здесь никогда не светит солнце? Даже одежду негде просушить. И костры не велено разводить, – роптал один из молодых всадников, обращаясь к более старшему товарищу. – У меня такое чувство, будто где-то среди этих чёрных скал и сырых ущелий находится зындон (ад). Во всяком случае, очень похоже, только кадзи (бесы) не попадают на пути.

– Да, ты прав, – согласился сосед. – Здесь настоящий зындон. И кадзи с кривым Уаигом (циклоп) ещё повстречаются... Так вон же они!

– Где? Где ты их увидел?

– Посмотри внимательней, что это сверху над нами? Это же их окаменевшие хари.

Молодой зябко передёрнул плечами:

– Когда они оживут, нам несдобровать!

– Что это ты так перепуган? А говорили, в отряд набирают только смельчаков.

– Я попросился в балц (поход) добровольно, – ответил обидевшийся юноша. – Только никак не ожидал, что сражаться придётся с нечистой силой.

– Ты воин, а значит должен биться со всяким недругом. Пусть если даже сам Барастыр (владыка Царства Мёртвых) выйдет с тобой на поединок, – наставительно отозвался бывалый воитель, не одобряющий робость юнца.

– Так я готов! Просто надоела неопределённость. И эта гнетущая тишина. Как ты думаешь, иберы знают о нашем отряде?

– Скорее всего их пастухи уже донесли о нас, – утвердительно заключил ветеран.

Вообще иберы не вели открытую войну с аланами, но их дикие племена совершали вероломные вылазки на близлежащие приграничные территории кочевой империи и отбирали у мирных пастухов стада, затем укрывались в горах, где невозможно было их достать непривычным к горной местности кочевникам. В открытое же противостояние со степными витязями горцы вступать не решались.

С другой стороны Кавказской горной цепи властвовала могучая Парфия, ведущая многовековой спор с Римом за господство на Востоке. Так, зажатая с двух сторон горная Иберия существовала, благодаря неприступности природных цитаделей, вознёсших несокрушимые скалистые стены к облакам. Население составляли племена, ведущие непримиримую вражду между собой, постоянные распри местных князьков не способствовали поднятию жизненного уровня подданных. Главным доходом, пополняющим казну царя Фарасмана, являлось взимание таможенной платы за пропуск торговых караванов через Дарьяльский и другие проходы в горах. При необходимости иберийский правитель запирает каменной стеной природные ворота и тогда вторгшийся неприятель сталкивался с умело приготовленными иберами горными обвалами, где находил неминуемую гибель, а кому удавалось избежать столь страшной участи под камнепадом, погибали от дротиков и стрел укрывшихся наверху недосыгаемых горцев.

Да что там коварство местных племён, когда сам царь ради извлечения собственных выгод, постоянно примыкал то к одной, то к другой из сторон, непримиримо воюющих между собой Парфии и Римской империи, хотя такой колеблющийся курс способствовал неустойчивости военно-политической обстановки в регионе.

Аланы не собирались покупать себе право на проход через горы у мцхетинского правителя уверенные в мощи своей армии, потому и решили самостоятельно разведать пути для удобного продвижения войск.

– Но почему мы всё время пробираемся по ущельям? Куда приятнее было бы двигаться сверху по горам, ведь здесь, внизу, с нами легче всего расправиться. Мы сами себя загнали в западню, – опять молодой алан поделился сомнениями со старшим соседом.

– Приказ был пробираться скрытно, чтоб разведать удобные пути для продвижения армейских подразделений. А как обозы и конница будут карабкаться по кручам? Так что, если иберы захотят напасть, мы в любом случае обречены. Но нельзя забывать, что за нами идут другие наши братья, и мы не останемся не отмщёнными, – резонно объяснял опытный воин, объезжая конём подвернувшийся на пути замшелый валун.

– Ради общего дела я готов сложить голову, только хочется жизнь продать подороже, – уловив негодующие нотки в голосе собеседника, конфузливо оправдывался неугомный скептик.

– Богу решать, какой участи достоин каждый. Всемогущий Артхур сам позаботится о сынах своих!

При упоминании главного аланского божества решительность наполнила душу неопытного молодого ратника, и он доверительно признался:

– Я только и уповаю на Бога-Солнце.

Но тут он неожиданно насторожился:

– А что это там впереди?

На очередном повороте ущелья отряд разведчиков вдруг упёрся в сложенную из каменных глыб зубчатую стену, которая преградила дальнейший путь аланам. Почувствовав неладное, предводитель отряда, двигавшийся впереди, подал условный знак, и воины мгновенно преобразились, сбросив сковывающие движения плащи, и обнажив мечи. Сосредоточились мужественные лица, глаза блеснули отважным огнём. И лишь только передние ряды всадников достигли стены, как сверху грянули звуки сигнальных труб и боевые кличи раскололи тишину многократными раскатами горного эха. Со стены и вздымающихся круч в прищельцев полетели стрелы и обрушились каменные потоки приготовленных обвалов. Таким образом, оказавшись в ловушке, разведчики обрекли себя на неминуемую гибель. Они пытались отстреливаться, пуская стрелы в укрывшихся наверху иберов, но это не приносило никакого результата, между тем, сами же, не прикрытые стенами и, находясь внизу, являлись отличной мишенью для вражеских стрелков. Скоро отряд был почти полностью истреблён, осталось лишь несколько человек во главе с командиром, последовавших его призыву:

– Прижимайтесь к скалам! Тогда обвал не сметёт вас!

Несколько человек, которые метнулись под прикрытие гор, только и успели спастись от обрушившихся сверху камней. Увидев, что аланов осталась небольшая горстка, горцы кинулись вниз, торопясь скорее расправиться с остатками отряда. На дне ущелья завязалась ожесточённая рукопашная схватка. Разведчики отбивались отчаянно от нападающих и превосходящих численностью иберов, но силы были несоизмеримо неравны. Занявшие круговую оборону аланы, падали сражённые один за другим. Дорого обходилась местным эта победа, вокруг окружённых взгромоздилась такая огромная куча поверженных врагов, что превысила своим количеством погибший отряд разведчиков. Искушённые в воинском ремесле аланы виртуозно владели оружием, умело отражая сыплющиеся со всех сторон удары. Долго не прекращался лязг мечей, особенно ловок и неуязвим был предводитель пришельцев. Все его доспехи были густо забрызганы кровью, но это была чужая кровь, выпущенная храбрым молодцом из врагов.

Однако, всему приходит когда-то конец и оставшийся в одиночестве вождь погибшей дружины, утомлённый неравной схваткой, начал постепенно сдавать. Уже не столь быстры стали его действия, да и вращаться по кругу, отбивая удары охвативших кольцом иберов, не оставалось сил. Ох, как хотелось коварным горцам хоть одного чужака захватить живьём, чтоб потом выдать родственникам за богатый выкуп, но ничего не выходило из этой их затеи. Последний из удальцов не собирался сдавать оружия и предпочёл почётную для воина смерть в бою, нежели обречь себя на позорную рабскую долю. Поняли, наконец, это иберы и, чтоб прекратить дальнейшую гибель своих сородичей, отступив, призвали вперёд лучников и копьеносцев, которые с безопасного расстояния метнули свои снаряды в оставшегося в живых смельчака и пронзили его во многих местах. И упал алан, обагрённый горячей кровью, а в его распахнутых мертвеющих очах будто отразилась лазурь голубыми осколками расколовшегося неба.

Молча стояли над телом погибшего храбреца поражённые его отвагой и удалью иберы, наконец, один из них решился завладеть доспехами героя и принялся снимать трофеи с убитого. Лишь только он сдёрнул с головы алана шлем, как из-под него рассыпалась пышная копна белокурых волос... Победители обомлели! Их изумлённым взорам предстал прекрасный девичий лик бесстрашной аланской амазонки.

После уничтожения аланских разведывательных отрядов в иберийской столице Мцхета вскоре появились послы от главнокомандующего армии кочевников скептуха Амага. Фарасман принял делегацию со всей пышностью в царской резиденции. Как ни старался иберийский правитель льстивыми речами и униженным обхождением снизить градус накала встречи, переговоры носили ультимативный характер. В жёсткой форме гости передали волю своего полководца, который потребовал безоговорочного пропуска аланской армии через Дарьяльский проход, иначе грозил подвергнуть истреблению всё население горной страны и аннексией территории. Фарасману ничего не оставалось в его положении, кроме как покорно принять выдвинутые позорные условия. И всё-таки он выторговал некоторые выгоды для себя, предложив предоставить войско иберов в распоряжение аланского скептуха. «Этим я пополню свою казну!» – дальновидно решил предприимчивый правитель.

И потянулись нескончаемым потоком конные алы и турмы закованных в броню аланских ратников. Громыхали о мощёную камнем дорогу стянутые стальными обручами колёса обозных повозок. Мелькали походные лекарские пункты, передвижные кузницы, телеги маркетантов с провиантом для войска и фуражом для коней. Кругом сновали отряды, предназначенные для охраны дорог и складов. И вся эта огромная силища устремила неустойчивой армией в Кавказские ворота, чтоб обрушить всю мощь на посмеющих преградить ей путь.

Столица Иберии Мцхета.

Резиденция царя Фарасмана.

35 год от Рождества Христова.

– Дипломатия – лучший способ бескровно достичь своих целей, – напуская на себя глубокомысленный вид, делился мыслями с ближайшими сановниками из своего окружения иберийский правитель. – Прибегнув к помощи аланов, мы сможем диктовать нашу волю несогворчивой Армении.

– Я и не сомневаюсь в твоей прозорливости, о мудрейший из царей! – рассыпался пышным потоком лести спайпет (военачальник) Даредж. – Только для упрочения связей с могущественной Аланией необходимо одного из твоих сыновей женить на аланской принцессе и так, скрепив родственными узами царственные дома, можно будет добиться некоторых привилегий.

– Кроме того, предлагаю приблизить ко двору знатных аланских вельмож, наделив их постами в твоём окружении, о несравненнейший, – добавил патиахш (советник) Таймаз.

– Но как к этому отнесутся на Капитолийском холме? Да и Парфия примет ли такое наше сближение? – засомневался Фарасман.

– В Ктесифоне сейчас озабочены перешедшими пограничный Евфрат легионами Публия Турпилиана, вторгшимися в вассальную парфянам Антропатену. Так что, царю Артабану совсем не до нас, – успокоил искушённый опытом политических интриг патиахш. – А Рим от Иберии далеко и нам надо упрочить своё положение среди сложившихся реалий в Восточном регионе. По поступающим данным от купцов и лазутчиков, а также, из пророчеств могви (маги, колдуны) следует, что Алания находится в начале своего могущества. И с этим необходимо считаться.

– Что ж, будем искать более тесных связей с северными соседями, – объявил высочайшую волю мцхетинский владыка. – Пусть знатные эриставы проявят заботу о благе отечества, а не только об удовлетворении собственных неумеренных appetitov.

Вызревающие хлеба истоптала чужая конница, поля сплошь испещрены следами копыт, будто торнадо пронёсся по парфянским землям. Тяжёлой солдатской поступью плотно утрамбованы дороги, шлейфы выбитой пыли взметнув в небеса. С наступлением сумерек кругом становятся заметней всплески оранжевых зарев от полыхающих городков и крепостей. Ночь, подкравшейся хищницей, тихо раскинула полог, покрытый мириадами мерцающих звёздных блёсток.

Подразделения наступающей аланской армии остановились для отдыха на привал. Запылали костры, разнеслись ароматы приготавливаемой пищи. Усталые за время дневного перехода люди, наконец, расслабились, удобно устроившись, кто у костра, подложив под голову конское седло, кто в обозной повозке, а некоторые прямо в поле среди благоухающего разнотравья. Конная ала иронского племени аланов, как двигалась в авангарде наступающей колонны, так и на ночлег расположилась впереди всех по ходу следования. Постепенно утомился весь лагерь, только изредка разносилась во мраке приглушённая переключка выставленных для охраны спящей армии караульных.

– Ты не спишь, Распараган? – шёпотом спросил Зевах, заметив, как ворочается на своём месте у костра, устраиваясь поудобней, его молодой приятель.

– Сон что-то никак не идёт, – отозвался окликнутый сородич.

– Вот и я не могу заснуть. Всё думаю, почему парфянская армия так долго отступает и избегает генерального сражения? Ведь они столь успешно долгое время противостоят Риму, что, кажется, их многовековое господство в Малой Азии остаётся непоколебимым.

– Думаю, они обессилели в бесконечных войнах, – высказал предположение Распараган, – поэтому и бегают от нас словно зайцы.

– Надоело за ними гоняться. Скорее бы настичь беглецов и помериться силами, – размечтался Зевах. – Иначе война закончится, а я так и не убью ни одного парфянина, и старейшины не позволят выпить ронга вместе со знатными воинами из священной чаши Уацамонга (ритуальная чаша героев). Какой позор, если я так и не смогу проявить себя в ратном деле.

– А ты напрись у начальника турмы разведчиков, чтобы брал в дозоры. Там всегда есть возможность проявить себя, – посоветовал Распараган. – Часто случаются стычки с дозорами противника. Этак я уже двумя скальпами украсил упряжь своего коня.

– Дельный совет! Непременно воспользуюсь им, – обрадовался молодой ирон нашедшемуся выходу из гнетущего положения.

– Как раз сегодня ранили стрелой одного из наших и пострадавшего отправили в обоз на излечение. Если Афсараг ещё не подыскал замену, то место вакантное и ты вполне можешь его занять, – ещё сильнее обнадежил более удачливый сородич своего, не достигшего успеха, соратника.

– Вообще, я слышал, старшие говорят, будто скептух гонит армию Артабана к Евфрату и там, прижав к границе с римской провинцией Сирия, вынудит вступить с нами в сражение. Хоть бы скорее это случилось, так не терпится поучаствовать в настоящей битве, – озвучил сокровенное желание ещё не реализовавший себя воин.

Наконец армия Артабана-3 была прижата к Тибру недалеко от того места, где расположена столица Парфии Ктесифон с зимней резиденцией царя. В среде аланских воинов царило приподнятое настроение. Все понимали о неизбежности предстоящей битвы армий. Людям и коням дали время отдохнуть. Ратники приводили оружие и доспехи в надлежащее состояние.

Накануне сражения для поднятия боевого духа, согласно древней традиции, скептух распорядился провести обряд поклонения богу войны Хсарту. Для этого призвали жрецов, навезли 200 возов хвороста, из которого воздвигли высоченный холм. На вершине холма соорудили деревянный помост, а в него воткнули меч славно погибшего в бою воина. К помосту протянули деревянные ступени.

Когда приготовления к ритуалу были завершены, конные алы (эскадроны) выстроились турмами (сотни) вокруг рукотворного холма, собрались вспомогательные команды маркетантов, лекарей, оружейников, караульных и началось священнодействие.

Богу войны полагалось приносить человеческую жертву. Для этого привели пленного парфянского лучника в лёгких доспехах со связанными сыромятным ремнём за спиной руками. Когда пленника проводили мимо, Распараган разглядел его угрюмо сосредоточенное лицо. Он ничуть не был сломлен, шёл твёрдой уверенной походкой, хоть и понимал всю безвыходность положения. Невольное чувство уважения к такому достойному противнику заколыхалось в душе, и молодой ирон понял, что не может быть лёгкой победы над столь крепким несломленным врагом.

– Смотри... смотри, как он гордо вышагивает, – толкнув локтем в бок, зашептал Распарагану на ухо Зевах.

– Так и должен воин идти на смерть, – восхищённо ответил ирон.

– Посмотри, как он высок и широк в плечах. Силач! Наверное, много врагов перебил, – снова зашептал завистник.

– Тихо! Отсюда и так не слышно жреца, так давай хоть просто посмотрим торжественный ритуал, – прервал болтуна приятель.

Четверо прислужников подвели обречённого к жрецу, сдёрнули шлем с головы жертвы и попытались опустить на колени перед главным духовным лицом. Но парфянин, набычив шею, так упёрся ногами, что худосочные подручные не смогли исполнить своё намерение. Тогда они потянули за волосы, и пленник склонил голову. Служитель культа полил ему затылок вином из

нуазан-чаши, произвёл манипуляции руками, приговаривая молитву, затем, приблизил сосуд с хмельным напитком к губам связанного, предлагая выпить. Но тот мотнул головой с такой силой, что чаша расплескалась, едва не выпав из рук священнослужителя.

– Он даже отказался выпить вино для поднятия духа перед смертью! – прокомментировал увиденное потрясённый Зевах.

Тем временем один из прислуживающих взмахнул ритуальным кинжалом, и из перерезанной сонной артерии жертвы брызнула алая струя. Жрец подставил чашу, наполнив её до краёв. Вскоре напор крови иссяк и, потеряв силы, парфянин сначала тяжело опустился на колени, а затем рухнул замертво. У трупа отрубили правую, державшую меч, руку и бросили её в поле. Захоронение тела без правой руки считалось у аланов позорным и подобной экзекуции подвергались лишь враги или осквернившие звание воина соплеменники. Служитель алтаря взойшёл по ступеням на помост с воткнутым мечом и, поливая клинок жертвенной кровью, взывал к богу войны о ниспослании аланам победы над парфянами в предстоящей битве.

Снизу было отчётливо видно, как высоко сверху на фоне голубого неба старик в развевающихся чёрных одеждах воздымает длани, а рядом торчит меч, олицетворяющий грозного бога Хсарта.

Глава 2

Ставка парфянского царя Артабана-3 на высоком холме.

Две враждующие армии, парфянская и аланская,

выстроились на равнине перед сражением.

35 год от Рождества Христова.

Небо едва порозовело на востоке, когда всё отчётливей стала проступать панорама разворачивающихся действий внизу, на равнине. Молочная дымка тумана рассеивалась прямо на глазах, теснимая наступающим утром. Двухсоттысячная армия парфян заканчивала построение своих частей в боевой порядок. Широким шпалером развернулось каре тяжеловооружённых конных катафрактариёв, оцетинившихся частоколом длинных копий. Впереди каре разместились боевые колесницы, подразделения легковооружённой пехоты: лучники, пращники, а также, расчёты солдат с метательными баллистами и катапультами. На обоих флангах выстроились конные турмы легковооружённых всадников. Уже различались знамёна войсковых подразделений, вышитым позолотой шёлком развевающиеся на свежем утреннем ветру.

Моноотонным голосом главный военачальник, визирь Барозан, перечислял алы и турмы конницы, пехотные команды, занимающие места в боевых порядках согласно диспозиции, расположение метательных машин, распределение лекарьских пунктов и госпиталей, размещение обозов, определял точное место каждого подразделения...

– План гениален, благочестивый! – воскликнул сурен (вельможа) Тохар, командующий лёгкой конницей, якобы не в силах сдержать своего восторга перед военным гением царя. – Мы приложим все силы, чтоб выполнить поставленную задачу в самом лучшем виде.

Сверкая пурпурными одеждами – атрибутом достоинства и суверенитета царского сана, Артабан в задумчивости прошёл среди свиты сановников и изрёк:

– Да поможет в наших делах мудрая Анахита! Нам так необходима сейчас благосклонность богов.

Верховный жрец храма огня, магупат Хивтар, облачённый в кулах и камар (головной убор и пояс), определяющие принадлежность к высшей аристократии, восприняв призыв монарха, приступил к возжиганию царского огня от солнечного камня, упавшего с неба. Прислужники помогали в отправлении религиозного культа: разделявали жертвенного барана, раскладывали хворост в жертвеннике, внутренности животного возложили на алтарь. Магическими заклинаниями магупат привёл себя в состояние божественного экстаза, чтоб исполнить роль оракула. Он делал судорожные движения телом, воздымал длани к небу и рёк прорицания, по внутренностям животного определяя победу парфянского оружия. Когда жрец закончил священнодействие, на золотом блюде обнесли сановную свиту, подав свежепожаренные куски мяса.

– Ну, теперь несдобровать этим полчищам аланских дикарей! – вкусив от ритуальной жертвы, воспрянул духом главный казначей, нахвадар Зопир. – Уважаемый магупат Хивтар вполне постиг законы мирового движения, течения звёзд, на чём и основывается наука предсказания будущего.

– Будущее есть свидетельство истинности прорицаний! – заметил царевич Манхерух, наставительно вздёрнув кверху указательный палец.

На что Артабан высказал собственное умозаключение:

– Жизненные обстоятельства указаны роком вследствие движения звёзд, в силу оснований и взаимосвязи естественных причин.

– Победоносный, всё так! Но боги благоволят тебе, о царь царей! И падёт этот аланский скептух Амаг бесславно и жалко, сокрушённый твоей жезлоносной дланью, – откликнулся пышной тирадой зять царя, командующий пешими войсками, шахрап Емран.

– Аланы – племя свободное, воинственное, непокорное и до того жестокое и свирепое, что даже женщины у них участвуют в войнах наравне с мужчинами, и им помогают их боги, – высказал мнение царевич. – Их не так просто победить...

Между тем, один за другим от передовых частей прискакали вестовые офицеры к визирю Барозану с докладами о готовности войск к сражению.

В изморщенной лёгкой облачной рябью вышине в лучах восходящего солнца парил хищно распростёршийся коршун, высматривая добычу. Он будто чуял сегодня о предстоящей кровавой трапезе. С противоположной стороны равнины надвигалась в облаке пыли неисчислимая аланская конница.

– О победоносный! Амаг двинул своё войско на наши позиции. Пора отдавать приказ, – обратился к венценосцу визирь.

Артабан выждал ещё немного и, когда противники сблизились на достаточное расстояние, взмахнул рукой, чтобы по условному сигналу барабанов каре закованных в броню конных копейщиков двинулось с места. Одновременно пришло в движение и остальное войско. С холма было хорошо видно, как блистая в солнечных лучах медными доспехами, яростно столкнулись две армады враждующих армий.

Под низкий и тяжёлый рокот парфянских барабанов, похожий на звериный рык или отдалённые раскаты приближающейся грозы, катафрактарии, тяжёлой, всё ускоряющейся рысью устремились навстречу аланам. Удар конной фаланги был страшен. Первые вражеские линии были смяты. Тяжёлые копья парфян с разгона пробивали насквозь доспехи легковооружённых степняков, иногда даже успевая нанести смертельное ранение ратоборцу второй линии.

Баллисты метали тяжёлые камни в гущу аланских войск. Хионитские пращники забрасывали свинцовыми гирями, лёгкая кавалерия обстреливала из луков боевые порядки неприятеля. С установленных на колесницах тяжёлых луков, с шести сотен шагов свободно пробивающих стрелами толстые панцири и железные доспехи, парфянские стрелки разили аланов. В первых рядах началась ожесточённая рубка, сражённые падали на землю, где их затаптывали кони, давили колёса колесниц. Фронт закованных в железо катафрактариев двинулся вперёд, сметая всё живое на пути, аланы дрогнули и принялись отступать. Их легковооружённой коннице не составляло труда оторваться от тяжело наступающей конной фаланги парфян. Вдогонку, не соблюдая линию боевого построения, увлечённые азартом погони, бросились алы легковооружённой парфянской конницы.

– Что они делают? – вскричал теряющий самообладание Артабан, обращаясь к командующему лёгкой конницей сурену Тохару. – Аланы отступают, перестраиваясь полукольцом, и в создавшийся мешок заманивают преследователей.

– Сейчас всё исправлю! – решительно рванул повод коня сурен, бросаясь в гущу событий.

– Поздно! Их уже не остановить, – с досады рубанул рукой воздух визирь Барозан.

Когда кольцо замкнулось, началась расправа. Всё произошло так стремительно, что подошедших катафрактариев встретила вторая волна аланской конницы. Только теперь фалангу никто не прикрывал с флангов. Снова столкнулись две враждующие рати. Завязалась смертельная рубка. Аланы никак не могли расстроить плотно сомкнутые железные ряды тяжёлой парфянской конницы. И вдруг поредевшая первая линия кочевников расступилась, и из-за неё прямо в центр катафрактариев ударило клинообразное построение аланской кавалерии. От столь мощного столкновения раскололся строй тяжёловооружённых парфян. А другая конная армада уже охватывала кольцом рассыпающуюся фалангу, поражая с тыла неповоротливых тяжёлых катафрактариев. Побойнице обернулось явно не в пользу парфянской армии. Её поражение стало настолько очевидным, что больше ни в ком не вызывало сомнений.

– Коварный пёс! Привёл в исполнение хитроумный замысел. Да выгрызут свиньи его печёнку, – взревел, багровея, разгневанный Барозан.

– Спасайте обоз! Там казна и царственные атрибуты власти, – отдал Артабан распоряжение главному маркитанту. – Запритесь в Экбатане, её стены способны выдержать долгую осаду.

Аланские конные латники повсюду на равнине настигали беспорядочно бегущие парфянские части и беспощадно громили их. Один из отрядов степняков подбирался к ставке Артабана с явным намерением атаковать командный пункт. Среди всадников выделялся огромным ростом, в серо-золотом боевом панцире, верхом на гнедом саураге военачальник. Этим идеалом мужской силы и красоты, несомненно, являлся скептух Амаг. Искусный ратоборец, хорошо осознающий понятие о доблести и благородстве, он презирал жизнь, если в ней не оставалось места для чести, поэтому лично водил воинов в бой и сам с мечом в руке бился в первых рядах сражающихся. И вот его гений военного стратега воплотился наяву в выигранном сражении. Он легко переиграл именитого соперника, свершив блистательную победу. Боги благоволили герою.

И Артабан это понял, все его надежды на успех окончательно рухнули, чуда уже не могло произойти. Парфянская армия спасовала перед более могущественным и удачливым противником.

– Благочестивый! – предстал пред венценосным наместником бога на земле начальник конной турмы личной охраны царя, битахш Синнак-шах, подводя нисайского иноходца. – Не дело царя царей подвергаться опасности со стороны простых смертных.

– Да-да! – поддержал битахша царевич Манхерух, так и не применивший резервный элитный отряд парфянских мегистанов (вассальные князья) в бою. – Я силами своей турмы организую заслон, а вы тем временем успеете вывести государя из-под нависшей угрозы.

– А ты, недалновидный горе-полководец, оставайся и спасай здесь хоть какую-то часть моего войска, – гневно обратился напоследок к визирю Артабан, усаживаясь на коня. – В Ктесифоне ждёт тебя Каменная башня.

Молодой ирон Распараган находился в конвое скептуха Амага, когда их передовой отряд прорвался к господствующему над местностью высокому холму, на котором расположилась ставка парфянского царя Артабана-3. Ирон уже различал наверху высоты отдельные фигурки в пурпурных мантиях парфянских вельмож, предвкушая захватить какого-нибудь высокопоставленного сановника, когда вдруг из-за холма выскочил резервный конный отряд неприятеля. По золочёным кирасам и шлемам из маргианской стали нетрудно было понять, что это представители парфянской аристократии. Силы оказались неравны: отряд мегистанов превосходил аланов численным составом. Однако, не в правилах удалцов было отступать.

Завязалось ожесточённое военное противоборство между аланскими ратоборцами и парфянскими всадниками. В развернувшейся смертельной карусели неукротимые северяне стали теснить превосходящего численностью противника. Тут, несомненно, сыграл роль поднятый победой в степных богатырях дух. Распараган столкнулся с таким же молодым, как и сам, парфянином. Тот оказался весьма умелым бойцом, он искусно защищался и хлётко наносил удары мечом. Даже успел легко ранить ирона в незащищённую латами голень. И всё-таки алан изловчился и сунул клинок под забрало парфянину. Мгновенно из раны хлынул фонтан крови, густо забрызгав сначала шею, а потом и грудь. Сражённый безвольно уронил руку с мечом и, вслед за тем, сам рухнул с коня, зацепившись ногой за стремя. Мёртвое тело хозяина скакун унёс за собой, волоча и кромсая о подворачивающиеся на пути камни. В стороны разлетались части экипировки, куски оторванных лат и вооружения.

Оказалось, пока длился поединок, мегистаны, не выдержав натиск аланов, принялись отступать, открыв путь на занимаемый ставкой царя холм. Забыв о парфянах, отряд скептуха кинулся скорее к вершине холма. Там царило полное затишье, оставались только брошенные в спешке предметы быта, подтверждающие пребывание венценосного вождя с царедворцами.

Драгоценные же царская диадема с тиарой благополучно ускользнули из рук степных удальцов. Вместо этого из шатра вышел и сдался низложенный визирь парфянского царя Барозан.

Удручённые такой неудачей, аланы, упустившие царя Артабана, понуро теснились вокруг своего блистательного военачальника.

– Боги сегодня отвернулись от меня, – сокрушался Распараган, обращаясь к товарищу. – Сначала поверженного врага прочь умчал от меня его конь. Я даже не успел снять скальп, и лишился трофейной амуниции с убитого. А тут ещё царь парфянский удрал со свитой, пока мы расправлялись с заслоном элитных наездников...

– Всё, вперёд, братья! – обратился скептух к отряду на месте бывшей ставки Артабана-3. – Могущественная Парфия пала и распостёрта перед вами. Берите её!

Распараган сверху окинул удовлетворённым взором весь окоём покрывающейся сумерками равнины, где едва уже можно было различить следы завершившегося побоища. И гордость от причастности к славному делу победы охватила ликующую душу молодого воителя. Сокрушительным поражением такого сильного неприятеля впервые в этом сражении ознаменовалась аланская тактика боя конными алами с ложным отступлением и неожиданной контратакой клинообразным построением кавалерии.

Армия Артабана, деморализованная и рассредоточенная, заперлась по крепостям. Аланы безраздельно царили на территории Парфянского государства. От полного разгрома пораженцев спасло то, что кочевники, не имея опыта штурма укрепленных цитаделей, просто держали крепости в осаде, а тем временем, грабили брошенное на произвол судьбы и не защищённое армией население. Некоторые города, не выдержав голода, добровольно открывали крепостные ворота и сдавались на милость победителей. Нескончаемые караваны нагруженных повозок потянулись с захваченной добычей в Аланию. Вереницы рабов следовали на север, среди которых особенно ценились специалисты: ремесленники, строители, архитекторы, инженеры, скульпторы, живописцы. Столица Аланского царства Маас расцветала на глазах. Возводились роскошные дворцы, храмы, фонтаны, базилики, парки. По воле багаира воздвигли величественный храм богу Артуру из белого паросского мрамора с огромным золотым куполом, олицетворяющим Солнце. Многочисленные скульптуры украсили город, стены дворцов и храмов расписывали фресками искусные живописцы. От нескончаемых пиров и жертвоприношений дни превратились в сплошные праздники. В аланских степях с каждым днём приумножалось количество пасущегося скота. Алания во всеуслышание заявили о собственных геополитических интересах.

За всеми этими значимыми событиями в Малой Азии ревностно следили из Рима, там не могли смириться с утратой имперского влияния в регионе. Незадолго до этих событий император Тиберий снял с поста оскандалившегося прокуратора Понтия Пилата, допустившего непомерными поборами всплеск возмущения в Иудее, вылившегося в ряд восстаний, и назначил наместником в провинции Сирия, куда входила мятежная Иудея, легата пропретора Луция Вителлия. Наместник ещё не успел освоиться на новом месте, когда вторгшиеся из-за кавказских хребтов кочевники принялись крушить сложившийся до сих пор баланс сил. Вителлий двинул легионы на левый берег Евфрата, чтоб осадить зашедшего слишком далеко в непомерных притязаниях аланского полководца Амага.

И вот, заняв выгодную позицию, римляне выжидали подхода главных сил противника. Вителлий не сомневался в победе, поскольку войско расположил, строго соблюдая фундаментальные каноны воинского искусства, – оперев левым флангом в Евфрат, а на правом фланге защищал легионы глубокий овраг. Стало быть, в такой ситуации невозможно ни коим образом обойти и ударить с тыла в фалангу тяжеловооружённой пехоты – главной ударной силы римлян.

Когда алы вражеской конницы приблизились к позициям латинян, Вителлий собрал на военный совет легатов, квесторов, начальников центурий и пламенной речью вдохновил их на скорую победу. Уверенно начала атаку римская конница. Активно заработали метательные машины. Аланы, не выдержав, стали поспешно отступать. Когорты пехотинцев под командованием квестора Марка Трибеллия бросились вслед за своими конными катафрактариями преследовать аланов. Отступление противника подняло дух римских солдат и в пылу погони они слишком увлеклись. Лишь только римские части кавалерии и лёгкой пехоты достаточно удалились от своего главного войска, аланы крупными силами контратаковали их, окружили и стали поражать стрелами. Отряд римской конницы попытался прорвать кольцо окружения, но его атака была отражена аланскими всадниками, вооружёнными длинными копьями. Покончив с окружёнными, скептух перестроил войска и обрушил конницу на надвигающуюся фалангу тяжёлой италийской пехоты. И тут римский полководец увидел собственными глазами невероятное – как рушатся отработанные теории военной стратегии.

Аланская конница двинулась клином на сомкнутые ряды легионеров. Отчётливо виден был несущийся впереди всех на самом остром наступающих отчаянный всадник.

– Сейчас этот безумец наткнётся на копьё фаланги! – самодовольно пробормотал Вителлий, обращаясь к ликтору Гнею Сильвию.

– Против фаланги варварам не устоять, – поддакнул военный чиновник, приготовившийся наблюдать, как разобьётся, словно набегающие морские волны о несокрушимый утёс, аланская конная лава.

Через мгновение возглавляющий атаку всадник со всего разгона врезался конём в первый из шести рядов ошестинившейся копьями фаланги. Пронзённый тяжёлым копьём легионеров в грудь, конь обрушился на римских пехотинцев, смяв нескольких из них. И тут же в образовавшуюся брешь врезались следующие аланские всадники. Началась кровавая свалка из перемешанных павших коней и свалившихся с них наездников, подмявших под себя легионеров. Брешь на глазах расширялась, расколов в самом центре строй шеренг тяжеловооружённой пехоты. В образовавшийся разрыв хлынула неудержимая конница и с двух сторон из середины принялась обтекать двумя кольцами окружения оба крыла расколотого римского войска. Конники, зайдя с тыла, легко расправлялись сверху, с высоты коней, с пешими легионерами, побросавшими ставшие теперь бесполезными громоздкие тяжёлые копья, от чего грозная фаланга перестала существовать. А те аланы, которые лишились коней в процессе боя, обхватив обеими руками свои длинные мечи с удлинёнными рукоятками, позволяющими наносить гораздо сильнее удары, легко сокрушали защитную броню римских латников...

Такого разгрома Луций Вителлий никак не ожидал. Ему пришлось спешно бежать со штабом на другую сторону Евфрата, избегая пленения.

– Отводите спасшиеся части и закрепляйтесь в обороне на правом берегу, – отдавал последние распоряжения легатам потрясённый разгромом наместник. – А мосты и переправы уничтожить за собой!

Всю наступившую ночь нашедшие спасение в овраге легионеры перебирались через Евфрат. Никто не понимал, как могло такое случиться, что, заняв хрестоматийно правильную беспроегрешную позицию, римское воинство вдруг потерпело поражение. Да! Это стало огромным потрясением для привыкших к победам римского оружия легионеров.

По окончании сражения было объявлено о проведении обряда погребения погибших воинов. Каждое из аланских и других участвующих в войне племён подобрало своих убитых, чтобы захоронить, согласно принятым обычаям. Ироны собрали на поле брани 12 своих павших сородичей. Выбрали место в стороне от лагеря, обнесли его частоколом из воткнутых в землю по кругу копий, создав, таким образом, нечто вроде святилища для жертвоприноше-

ний главному божеству Артхуру. В центре жрецы установили походный жертвенник – круглую каменную глыбу с углублением посередине для возжигания огня. С одной стороны в этом алтаре был выдолблен жёлоб, по которому должно стекать вино жертвенных возлияний, а рядом возвышалась куча хвороста. Служители культа торжественно облачились в длинные, до ступней, накидки из белых выделанных овечьих шкур, скреплённых на шее серебряной застёжкой; головы покрыли остроконечными шапками тоже из белых шкур; каждый держал в руках кривой сучковатый посох, служивший знаком отличия обладателям священного сана. В стороне стоял громадный, с обнажёнными по локоть могучими ручищами, детина в длинном кожаном фартуке, забрызганном кровью; правой рукой он придерживал лежащую на плече тяжёлую палицу, за пояс был заткнут отточенный кинжал с рукояткой из оленьего рога; рядом стояла прислоненная к камню секира. Его молодой помощник подводил жертвенных животных: быков, лошадей, баранов и великан сначала оглушал их ударом палицы в лоб, а затем отрубал секирой головы. Кровь собирали в нузан-чашу и поливали ею жертвенник. Перед забоем священнослужители благословляли каждое жертвенное животное, повернув его головой на восток и окурив горящим конским волосом для того, чтоб очистить от злых духов, присутствующих в живых существах. После этого старший из жрецов просил Бога-Солнце принять жертвенные дары. Здесь же разделяли туши. Возложив часть мяса на алтарь, готовили его на огне, поливая вином. Эта доля предназначалась Богу. Остальные куски мяса раздали иронам для приготовления на кострах поминальной тризны.

Тем временем недалеко от святилища с жертвенником соорудили помещения для склепов в вырытых двенадцати ямах, обложив их стены наподобие жилых комнат деревянным срубом. В каждый из склепов клали погибшего воина во всём воинском облачении, с боевым оружием и всеми необходимыми в быту предметами пользования, ведь душа алана после смерти живёт в потустороннем мире и нуждается во всём, что человек имел на земле. Оставляли запас провианта в закрытых глиняных горшках, вино и воду в амфорах. Кроме того, погибшему посвящали коня, который должен сопровождать хозяина в Царстве Мёртвых. Для этого жрец в белом навешивал на животное доспехи хозяина и водил вокруг места захоронения, рассказывая о лучших качествах умершего, прославляя его отвагу и доблесть. Затем скакуна закалывали и укладывали в склеп рядом с его наездником.

Отдавая дань почести, первым возложили в приготовленный склеп тело погибшего командира турмы разведчиков Афсарага. Выбранный вместо него из опытных воинов новый предводитель по имени Уархаг (волк) теперь распоряжался траурной церемонией. Он обменялся оружием с погибшим, выразив тем уважение к заслугам предшественника, сам отнёс мёртвое тело в приготовленную могилу. Последним из погибших возложили на смертное ложе так и не осуществившего заветную мечту беднягу Зеваха. Молодой алан, не успевший сразить ни одного врага, в самом начале атаки получил парфянскую стрелу. Вон глубоко проникший обломок её торчит из пробитого правого глаза.

Распарагану было жаль преждевременно ушедшего в другой мир приятеля, мёртвое лицо которого с заострившимися чертами всё стояло перед глазами, пока перекрывали брёвнами склепы и возводили над ними высокий земляной курган.

А потом был поминальный пир, начался который со священной традиции: знатные воины, прославляя богов, поочерёдно отпивали ронг из чаши Уацамонга. С ними вместе из этого сосуда позволялось пить лишь тем, кто убил в своей жизни хоть одного врага. Прикладываясь к почётной чаше, Распараган ощущал небывалый прилив отваги, будто вбирал в себя вместе с хмельным напитком боевой дух, вдохнутый в него приложившимися ранее к ковшу бывальыми аланами. Одновременно с трапезой, тут же, происходили состязания в силе и ловкости, поединки на мечах, скачки. Победителям вручали оставшееся от погибших оружие, коней или что-нибудь из захваченных ими трофеев. В общем, тризна продлилась до глубокой ночи.

Вскоре пала и столица Армении Артаксата, сподвижница Рима в Закавказском регионе. На два года вся громадная территория до самой Каппадокии оказалась в полной власти аланов. Не поддаётся никакому учёту то количество поживы, которое за это время было вывезено степняками. Эта война дала поистине толчок для дальнейшего расцвета кочевой империи аланов.

Весь мир всполошился! На Востоке, в степях Меотиды, между Боспорским царством и Гирканским морем, на землях Скифии и Сарматии, родилась новая сила – степная империя кочевников Алания. Никто не может противостоять хорошо организованным ордам степняков. Лучшие армии мира терпят поражения и бегут в панике, оставляя территории. Неудержимая конница варваров, применяя неслыханную до сих пор тактику, пробивает даже знаменитые фаланги тяжеловооружённой пехоты, перенятые римлянами из воинского наследия Александра Великого. Даже гордая Парфия, остановившая дальнейшее продвижение великой Римской империи на Восток, и та не может устоять против народившейся силы.

Глава 3

Неделю донимала непогода. Ветер то крепко хлестал дождевыми струями, то вдруг наступало затишье, и тогда нудная морось продолжала разводить мерзостную слякоть. Под ногами неприятно хлопала жидкая хлябь, казалось, конца не будет обрушившемуся на землю ненастью. Здесь, в степях Гирканского побережья, в разгар летнего сезона подобная погода нетипична. Но по какому-то природному капризу ветер с севера нагнал несметные табуны серых туч, и незримый небесный погонщик гневно лохматил их мягкие гривы, теребя и кромсая своим кривым огненным посохом.

Буйно разросшийся травяной покров бесцеремонно прибило к земле неистовыми водяными потоками, и ветер зло трепал бескрайние ковыльные просторы, напоминавшие теперь волнующееся море.

Трудно приходится путнику, застигнутому в степи распоясавшейся стихией. На расстелившемся как скатерть плато, вздыбленном кое-где холмами, негде и переждать непогоду, укрывшись от пролившейся с неба влаги. Остаётся только раздражённо чертыхаться в душе и клясть каверзный нрав неугомонных богов.

Под вечер седьмого дня, наконец, первый сверкающий луч пробился сквозь пелену дождя, и тотчас на другом краю небосвода яркими цветами спектра вспыхнула радуга, предвещающая близящийся конец ненастья. И действительно, небо стало проясняться, зазвенели птичьи голоса. Тёмные капли, тяжело повисшие на травяных стеблях, кристально засверкали мириадами бриллиантов. Через короткое время ветер совершенно утих. Мокрая степь, успокоившись, поблёскивала, будто разбросанными кругом яркими самоцветами. А солнце, окончательно выкатившись на простор, надменно взирало на медленно удаляющуюся серую пелену дождя.

...Уже двенадцатый день дружина аланских кочевников выслеживает добычу. Они ищут удобный момент, чтоб напасть на скотоводов-массагетов, выпасающих многочисленные стада своих животных. Воинственных аланов больше всего привлекло здесь то, что среди бессчётного количества травоядных оказался огромный табун лошадей, а степные витязи, как никто другой, знают толк в скакунах и умеют ценить их по достоинству. Потому и являются они лучшими наездниками. Да и как обойтись без доброго и надёжного коня воину? Все соседние народы пребывают в постоянном страхе в ожидании неожиданного нападения аланов, держат наготове вооружённые отряды для отражения возможных посягательств на их собственность. И ничего тут не поделаешь – такова жизнь! Либо у тебя заберут всё: жену с детьми и продадут их в рабство, нажитое непосильным трудом добро, и даже лишат самой жизни. Либо ты будешь в кровавых сражениях отстаивать своё право на существование. Уж так распорядилась природа, чтоб в непрестанной борьбе совершался естественный отбор и выживали наиболее сильные.

Скептух аланов – овеянный боями и умудрённый жизненным опытом воин по прозвищу Уархаг занял стратегически важную позицию: расположил основные силы отряда на господствующем над всей округой высоком холме. Дружинники со своими конями укрылись под сенью густо разросшихся по склонам высоты деревьев. И только лазутчики из числа молодых воинов, переодетые в одеяния скотоводов-кочевников, чтоб не привлекать к себе внимания, разъезжали по степи под видом обычных путников с целью добычи необходимых сведений о количестве вооружённой охраны противника, характере его вооружения, расположении отрядов охранения и т. д. Под покровом темноты все разведанные лазутчики доставляли в лагерь и докладывали предводителю, а тот, в свою очередь, держал совет с бывалыми своими соратниками. Но до сегодняшнего дня пока не представилось подходящего случая, чтоб совершить нападение и отбить часть животного поголовья у хозяев.

И вот, сегодня почти все лазутчики вернулись в стан и доложили обстановку. Не было только последнего, двадцать пятого. Время уже перевалило за полночь, а юноша всё ещё не появлялся. Уархаг чутьём опытного вождя чувствовал, что надо ожидать какие-то ценные сведения от разведчика, ибо тот долго не стал бы задерживаться, а поспешил скорее к сородичам и, чтоб получив честно заслуженный пай – кусок сыра и вяленого мяса на ужин, с осознанием выполненного долга устроиться до утра на отдых.

Предводитель уасдана (дружины) знал, что Андабур хоть и юн возрастом, но уже достаточно хорошо зарекомендовавший себя воин. Он смел и хитёр, как старый лис, знает языки других кочевых народов. И откуда только в столь юном возрасте мальчишка успел всему научиться? Вождь питал явную симпатию к младшему своему соратнику, а посему заметно тревожился за юнца. Ну вот, наконец, донеслось из темноты приглушённое конское фырканье – животное почувствовало близкое присутствие других коней и реагировало на это. Аланские кони прекрасно понимают когда они находятся в боевой обстановке и никогда не выдадут себя неосторожными действиями. Беспокойство Уархага улеглось – последний лазутчик прибыл в лагерь.

– Ты почему так долго не возвращался? – с напускной строгостью вопрошал юношу старший.

– Раньше не получилось, – ответил Андабур. – Как стемнело, я пробрался к этим презренным овцеводам, почти к самым их кострам, и подслушал разговоры.

– И что ты выяснил? Знают ли они о нашем присутствии?

– Нет, кафтисар (начальник)! Они, как их овцы, уткнулись мордами себе под ноги, выискивая траву посочнее, и не ведают, что творится вокруг. Хоть бери их голыми руками.

– Однако, охраны у них 4000 всадников и каждая тысяча расположена по четырём сторонам света, а нас только – 2500. Преимущество, как видишь, за массагетами. Если мы нападём первыми, то пока будем расправляться с одной их алой, три других обойдут нас и мы окажемся в кольце.

Разведчик нетерпеливо переминался на месте:

– Но я ещё не всё сказал. Завтра у пастухов начинается большой массагетский праздник. Старшие воины на три дня уедут к семьям. Здесь останутся лишь молодые и неопытные. Им привезли четыре бочонка греческого вина, и овцеводы соберутся возле своего каменного идола, который установлен в той дальней осиновой роще у источника, куда они гоняют стада на водопой. В этой роще находится жертвенник, там все три дня они будут пировать и состязаться в силе и ловкости. Со стадами останутся лишь пастухи, да и то в уменьшенном количестве.

– Да, это наш шанс! И его надо использовать, – яростно сверкнул глазами предводитель.

Срочно собранный военный совет продолжался недолго. Решено было немедленно, чтобы успеть до рассвета, переместиться всеми силами ближе к священной осиновой роще и там затаиться в разных местах степи на окружающих холмах и в оврагах и ждать условного сигнала к атаке. Волк распределил все силы на две части: большая, количеством в две тысячи всадников, должна будет неожиданно напасть и расправиться с охраной и дальше прикрывать отход другой части, которая состоит преимущественно из юных наездников и погонит лошадиный табун и другую скотину в аланские земли. На случай, если погоня кинется отбивать свои табуны, находящиеся в прикритии более опытные воины должны будут отбивать все такие попытки. Каждый из вожаков отрядов, составленных из представителей отдельных родов, получив от вождя необходимые указания, повёл своих родственников в назначенное для их турмы укрытие.

Весь день приготовившиеся к атаке аланы наблюдали, как вдали курились дымы от жертвенных костров. Иногда вблизи на полном скаку проносились соревнующиеся в лихой езде пьяные всадники. Во второй половине дня достаточно охмелевшие пирующие массагеты окон-

чательно утратили бдительность и уже не способны были реально оценить окружающую обстановку.

Миг развязки настал!

Приложив ко лбу символ военачальника – жетон с изображением волка на серебряной цепи, Уархаг воскликнул:

– О победоносный Хсарт! Пошли нам удачу, чтоб с богатой добычей вернуться домой!

Тут же на вершине холма вспыхнул костёр, означавший начало атаки. От подброшенных сырых веток повалил густой белый дым, его поднявшийся к небу столб стал заметен на далёком расстоянии. Вслед за тем по отрогам ближайших курганов стремительно понеслись с пиками наперевес, облачённые в доспехи, всадники. Конная лава, как ураган, неудержимо надвигалась на безмятежно пирующих массагетов. Вот вторая группа количеством в пятьсот всадников уже настигла ближайшее стадо и погнала его прочь с родных пастбищ. Безоружные пастухи под столь стремительным натиском в панике бросились спасаться, укрывшись, кто успел, в складках местности, а кто не успел, пали, поражённые меткой стрелой из лука, либо ловко заарканенные и притороченные к седлу позади победителя, став добычей аланского воина.

В один миг беззаботно отдававшаяся празднеству охрана оказалась в кольце. Никаких вариантов к спасению не осталось. И началось жестокое кровавое побоище. Аланы упивались своим преимуществом. Пролитая кровь врага всегда пробуждает большую ярость. Началась рукопашная схватка. В ход пошли мечи и кинжалы. Ожесточение достигло наивысшего накала. По принятому аланскому обычаю каждый воин тут же сноровисто снимал скальп с поверженной жертвы, потом этим трофеем украшал сбрую своего коня, что служило признаком воинской доблести. У некоторых прославленных аланских воинов кони, порой, больше походили на каких-нибудь лохматых бизонов, ибо сплошь были увешаны пучками человеческих волос. А между тем, резня продолжалась ужасная. Кровь расплескалась потоками. Кругом разносилось бряцание сталкивающихся мечей, храп лошадей, дикие вопли сражающихся, предсмертные стоны умирающих...

Вожак одной из боевых аланских групп племени иронов Распараган вот уже пятый скальп выпачканной в чужой крови рукой прилаживал к ремню на поясе. Теперь уже почти все аланы спешили и в рукопашной схватке расправлялись с остатками отряда охранения массагетов, захватывая трофеи. Конь Распарагана преданно следовал за хозяином. Неожиданно трое врагов набросились на ирона. Первый из них яростно обрушил меч на отвлёкшегося было налётчика и тот едва успел прикрыться щитом. Удар пришёлся вскользь и клинок, промелькнув мимо бедра, хищно вонзился в землю. Тут же молниеносно из-под аланского щита метнулось навстречу смертоносное стальное жало и массагет, схватившись за грудь, тяжело опустился на колени. Второй сородич поверженного со всего маха уже занёс меч для разящего удара. Но закалённый в боях алан вполне готов был к такому повороту событий, он мечом уверенно отразил удар атакующего. К тому подоспел ещё один сородич. И снова яростно забряцали клинки. Распараган только успевал то щит подставить под удар, то мечом отбивать выпады нападающих врагов. Массагеты совсем не желали становиться безропотными жертвами и отчаянно не сдавались, хотя и было очевидным, что они обречены. И вот, в один момент оба массагетских ратоборца одновременно обрушили с двух сторон мечи на Распарагана. Ирон успел ловко прикрыться щитом слева, а правый удар запоздало попытался отбить, но лишь едва коснулся клинком до меча противника, и тут же почувствовал резкий толчок в правый бок и треск разрываемой кожи доспеха. Боли в горячке боя он вовсе не ощутил и тут же ответил молниеносным выпадом, от чего один из противников с зияющей раной в шее рухнул сражённый к ногам победителя.

Видя бесславную гибель своих сородичей, последний из атакующих, прочь отбросив меч и позорно пав на колени, сдался на милость врага. Распараган быстро обмотал пленнику руки и привязал его на длинной верёвке к луке седла, чтоб массагет следовал за конём. После

этого ирон осмотрел свою рану. К счастью, она оказалась несерьёзной, поскольку лезвие вошло неглубоко. Видимо нетрезвого массагета в схватке подвела рука, и удар его меча не оказался достаточно сокрушительным. Чтоб рана обильно не кровоточила, раненый алан оторвал кусок материи от полы своей рубахи и приложил к располосованному боку. Теперь можно было продолжить бой, ведь надо успеть захватить побольше трофеев, иначе другие более расторопные соратники ничего не оставят. Один пленник есть, хорошо бы ещё прихватить. Потом их можно будет выгодно продать на невольничьем рынке где-нибудь под Чолой (г. Дербент) или в другом месте Великого Шёлкового Пути. За рабов нынче прилично платят. Алан резво вскочил на коня и принялся высматривать новую добычу:

– Ага, вон ещё один массагет пытается уползти незамеченным с поля брани!

Воин быстро настиг беглеца и когда тот, вскочив на ноги, расторопно бросился наутёк. Распараган привычно метнул аркан. Вскоре уже пара пленённых скотоводов покорно следовала на верёвке за новоявленным господином. А кругом по степи с устрашающими криками: ас-са! ... – носились конные аланы, вылавливая последних спасающихся бегством овечьих стражей.

Вдруг со свистом промелькнула стрела перед самым лицом ирона и вонзилась неподалёку в землю.

– Ах ты, подлый овечий сын! – вскричал Распараган, краем глаза выхватив из развернувшейся картины побоища новый объект для атаки. Мгновенно выдернув дротик, алан метнул его во врага. Схватившись за плечо, лучник повалился набок.

Окинув взором кругом, ирон обозревал печальную панораму заканчивающегося сражения. Везде видны беспорядочно разбросанные тела погибших, утерянная амуниция и оружие, по полю носятся осёдланные кони без седоков. И далеко по степи конные аланы настигают разбегающихся в разные стороны массагетов, ловко заарканывая их, либо поражая, если кто-то пытается оказать сопротивление.

Вот в середине простирающейся равнины стала образовываться всё более растущая группа аланов, над их головами взвился вымпел с изображением волка – воинский штандарт скептуха Уархага. Разнёсся сигнал рога, призывающий к общему сбору. Значит, сражение завершено и теперь необходимо как можно скорее угонять отбитые стада животных, забирать трофеи и возвращаться с добычей к своим семьям. И Распараган поспешил к месту сбора. Неожиданно на глаза ему попался укрывшийся за валуном молодой пастушонок. Алан зычно окликнул беглеца и приказал немедленно присоединиться к своим пленённым сородичам и следовать вместе с ними. Испуганный паренёк трясущимися руками ухватился за стремя коня и побежал рядом, окропляя землю обильно скатывающимися со щёк слезами. Подъехав к своим боевым товарищам, Распараган спешился, строго наказав пленникам ждать его поодаль от совещающихся командиров.

– Два дня есть в нашем распоряжении, – размышлял вслух начальник дружины Уархаг. – Пока массагеты будут веселиться, мы далеко угоним их скот. Молодцы наши погонщики, лихо управляют со стадами, уже успели скрыться за горизонтом.

– Да, если овцеводы не хватятся, за два дня успеем далеко уйти и им ни за что не нагнать нас, – самодовольно поддакнул Саурмаг – вожак наиболее многочисленной боевой аланской группы племени аорсов.

– А всех ли врагов до единого настигли наши мечи? Не удалось ли кому-нибудь ускользнуть незамеченным? – с тревогой в голосе высказал опасение предводитель. – Тогда пастухи немедленно кинутся отбивать свои табуны и отары.

– Ну, нет, кафтисар! – самодовольно заверил Саурмаг. – Я со своими молодцами вдоль и поперёк прочесал все окрестности и от нас незамеченной даже мышь не ускользнёт.

– Но я тут совсем недалеко поймал массагетского пастушка. Он прятался за большим камнем, – осадил Распараган расхваставшегося аорса.

– Значит, всё же, может случиться, что кому-то удалось спастись и тогда беглец предупредит своих о происшедшем нападении, – резонно заключил вождь. – Поэтому следует, не мешкая, убираться подальше отсюда. Обнадёживает лишь то, что за столь короткое время они просто не успеют собрать большое войско.

На том совет завершился, и начальники поторопились к своим подчинённым, чтоб повести их вперёд, согласно принятой только что директиве. Только злопамятный Саурмаг проводил недобрый взглядом осрамившего его при всех на военном совете вожака иронов.

Заметив рану на боку Распарагана, Волк забеспокоился, задержав его:

– Сильно задело? Может лучше тебе в повозке с ранеными поехать?

– Ничего серьёзного! – отмахнулся доблестный воин. – Я поеду со своими.

Подойдя к коню, Распараган увидел там только двух связанных верёвкой пленников, а пастушка рядом не было.

– Куда подевался ваш третий сородич? – гневно вопрошал алан.

– Он сидел с нами не связанный верёвкой и его забрал какой-то из ваших аланов, – смиренно ответил один из массагетов.

– И вы не могли ему сказать, что все трое уже принадлежите другому господину?

Пленник поднял руку и показал на своём предплечье кровоточащий след от плети:

– Я сказал и вот какой на это получил ответ.

Дальше разбираться не оставалось времени, надо было скорее убираться прочь с захваченными трофеями. И вожак иронов решил позже установить наглеца, чтоб вернуть принадлежащую ему по воинскому праву добычу.

Весь остаток дня без остановки гнали, что было сил, похищенные стада, отары и табуны. Позади, тут и там, по степи оставались брошенные издыхающие животные, не выдержавшие такого бешеного галопа. Кровавое зарево уходящего дня охватило западную часть неба. Если люди в результате удачно проведённой вылазки чувствовали небывалый приток энергии, то животным в обязательном порядке требовался отдых для восстановления сил. Уже в полной темноте расположились на привал. Помрачневшее небо раскинуло над землёй усыпанный звёздами полог, месяц достал свой золотой рожок, и полилась мелодия ночи: застрекотали скрытые во мраке кузнечики, где-то заухала невидимая ночная птица, в ближайшем водоёме грянул дружный лягушечий хор. Запылали костры, отовсюду потянуло жареным мясом, стали разноситься повеселевшие голоса насытившихся аланов. Лагерь отходил ко сну, и только изредка слышались приглушённые голоса перекликающихся на ночном дежурстве караульных.

Усталые ратники спали вповалку прямо на земле, подсунув под головы конские сёдла или перемётные сумы с поклажей. Представители каждого рода, расположившись на ночлег, сгруппировались отдельными группами вокруг своих костров. Распараган оставался бдительно до рассвета.

– Пусть родственники хорошо отдохнут перед завтрашним днём, – думал он, – а мне не привыкать бодрствовать в походе. Как вернёмся в родное стойбище, там и выплещу.

Чтоб легче было превозмочь донимающую сонливость, алан принялся прохаживаться меж кострами, разглядывая спящих дружинников и размышляя о прожитом дне:

– Сегодня боги послали щедрую добычу! Теперь надолго хватит запаса нашим семьям. И потери понесли небольшие – всего восемь погибших да два десятка раненых. Среди моих родственников, хвала могущественному Хсарту, лишь двое легкораненых.

Так в раздумьях дошёл он до костра аорсов. В темноте послышалось чьё-то жалобное всхлипывание. Распараган приблизился на звуки и неожиданно признал своего потерянного пленника-пастушка. Тот сидел со связанными руками среди других захваченных аорсами массагетов и заливался слезами. Стало ясно, кто посмел так нагло позариться на чужую добычу. И раньше среди аланов ходили слухи о нечистоплотных действиях вожака аорсов Саурмага. Ярость охватила ирона, кровь ударила в голову. С негодованием подскочив к безмятежно спя-

щему в кругу сородичей похитителю, Распараган изо всей силы пнул его арчой (сапогом) в бок, от чего тот мгновенно очнулся от сна. А разгневанный предводитель иронов грозно вскричал:

– Да принесут тебя в жертву мертвецам, сын бешеной собаки! Навозом из-под моего коня я вымажу тебе физиономию!

Все спящие аорсы тут же повскакивали и схватились за мечи, не понимая почему какой-то ирон так неуважительно обходится с их вождём. Раздались голоса:

– Что случилось?

– Кто позволил себе оскорблять нашего старшего?

– Пусть наглец ответит за свою дерзость!

Распараган бросил внушительно:

– Я всегда отвечаю за свои действия! А ваш старший вор! Он бессовестно украл мой трофей, вон того массагетского юношу. Думал, что я не найду кто это сделал.

Такого позора перед своими сородичами уличённый в неблагоприятном поступке Саурмаг вынести не мог, но зная отвагу соперника и его ратные качества, вступить с ироном в открытое противоборство не осмеливался. Оставалось только хитростью попытаться выскользнуть из щекотливого положения. Из-за спин сородичей плут тщетно пытался оправдаться:

– Пусть Бог и Земля станут свидетелями! Я не ведал, что это твой трофей, ведь он не был связан, как другие пленники.

– Чтоб отсох язык у того, кто изрыгает ложь! – неприязненно отозвался на это отважный алан, забирая назад своего пастушка.

Ещё оставался бледнеющим призраком на наливающимся утренним светом небосводе луны завиток, когда неуёмная суматоха объяла весь стан воинственных кочевников. Всё пришло в движение. Мычали и блеяли стадные животные, ржали встревоженные лошади, командиры отдавали распоряжения, расставляя людей по местам... Наконец стада устремились вперёд, погоняемые аланскими табунщиками и пленными пастухами, вслед за ними двинулись повозки обоза, конные алы вооружённых всадников снялись с места, заняв положение в арьергарде прикрытия.

И когда солнце позолотило первыми лучами округу, а стада уже были далеко от места ночёвки, наблюдатели донесли Волку о том, что с другой стороны степи появилось большое войско массагетов, которое движется следом за аланами. На наскоро проведённом военном совете Уархаг предложил предпринять необходимые меры:

– Массагеты превосходят нас численностью. К тому же, наши действия скованы наличием огромного стада скота и обоза, отчего мы лишены скорости и манёвренности. Любыми способами необходимо как можно дольше задержать противника, чтобы наши младшие успели подальше отогнать захваченное поголовье. В лобовую атаку бросаться бессмысленно. Значит нужно пойти на хитрость. Я предлагаю сделать так. Пусть вооружённые всадники непрерывно носятся между холмами, создавая видимость, будто нас значительно больше, чем есть на самом деле. Таким образом, собьём массагетов с толку. А пока они разведуют наши реальные силы, мы протянем время, займём выгодную позицию и приготовимся к сражению. Вон там есть удобная лощина между двумя высокими холмами. Это подходящее место для засады. Два отряда спрячем на этих холмах и, когда преследователи решатся напасть, создадим видимость, будто отступаем и кинемся третьим отрядом убежать по лощине. Как только их войско окажется между холмами, притаившиеся отряды обрушатся на врага сверху, а отступающие развернутся и ударят в лоб преследователям. Оказавшись запертыми в лощине, презренные овцеводы будут обречены на поражение...

Итак, весь день длилось бескровное противостояние. Массагетское войско остановилось в нерешительности. Их наблюдатели докладывали начальникам, что впереди между хол-

мами замечена активность аланской конницы, но совершенно невозможно определить точное количество войск противника, ибо всадники непрестанно перемещаются. Похоже, аланов так много, что лучше с ними не вступать в бой. Однако военачальник у массагетов отнюдь не был наивным человеком или новичком в ратном деле, а посему направил лазутчиков добыть необходимые сведения о противнике.

Пока суть, да дело, а время летит – день клонится к закату. В светлое время суток разведчикам не удалось подобраться на близкое расстояние и определить приблизительное количество живой силы у аланов. Стали дожидаться наступления ночи, тогда по огням костров можно будет сделать соответствующие выводы. Но искушённый в военном ремесле аланский предводитель учёл и это обстоятельство. Уархаг приказал развести как можно больше костров и всю ночь поддерживать в них огонь...

Лишь только на следующий день после полудня решился, наконец, вождь массагетского войска послать в разведывательный рейд к аланам боевой отряд в количестве 3000 всадников. Те встретили массагетов, как и было заранее условлено, в приготовленном месте. Ох, и славное было сражение! Ожесточённое... Попавшие в западню держались стойко. Но обрушившийся на них сверху град из стрел поразил значительную часть отряда. Затем лавина всадников с двух сторон неудержимо, с грозными криками «ас-са!..» понеслась с холмов, сметая подворачивающихся на пути врагов. Аланы бились, как одержимые. Каждый из них норовил оказаться в самой гуще событий, будто стремясь скорее попасть в благословенные райские кущи дзаната. Отважные, яростные, неукротимые – поистине рыцари войны! Рослые, атлетически сложенные, русые и голубоглазые, лихие наездники и искусные воины – эти великодушные и благородные арии, заслуженно овеянные славой минувших эпох, жаждали сражений, считая единственно достойной лишь смерть в бою. Установив Солнце главным своим божеством, тем не менее, прежде всего, поклонялись они богу войны Хсарту, который в образе воткнутого в землю меча олицетворял собой смерть...

Распараган во главе отряда иронов ринулся вниз по холму на угодивших в засаду массагетов. Врезавшись конём в гущу врагов, он с двух рук без устали рубил мечами направо и налево. Из-под его могучей руки так и сыпались сражённые наповал. Алан будто упивался опасной игрой с роком. В обагрённых кровью доспехах среди коченеющих трупов с раскрытыми черепами и выпущенными внутренностями носился неистовый ирон по бранному полю в поисках новых соперников в схватке...

Скоро было покончено с массагетским отрядом, лишь жалкая горстка в полтысячи пленников понуро побрела навстречу приготовленной судьбой безрадостной рабской доле. И десяток из них неукротимый Распараган привёл за собой в обоз.

Лишившись, таким образом, своего боевого отряда, бесславно закончившего воинский путь, массагетский полководец больше не рискнул испытывать рок, поскольку весьма был наслышан о свирепости и воинской доблести аланов. А посему посчитал лучшим отдать приказ воинству сниматься с места и возвращаться восвояси. Так, несолоно хлебавши, понесся ощутимые потери в живой силе и лишившись многих отар и табунов, пораженцы удалились вглубь своей территории.

Глава 4

Возвращение дружины в аланские земли было поистине триумфальным. Победители, согласно обычаю, с вплетёнными в гривы коней пёстрыми лоскутами и звонкими бубенцами гордо подъехали к поселению Хусдзагат, где размещался наместник багаира по Гумской равнине. Почти до самого горизонта степь заполнили подстёгиваемые погонщиками животные. Жители высыпали из города наружу, за крепостную стену. Каждому хотелось собственными глазами убедиться в удачном завершении балца. Населяли Хусдзагат главным образом алазоны (земледельцы), которые возделывали различные сельскохозяйственные культуры: ячмень, просо, фасоль, горох, лён, коноплю, сажали фруктовые деревья и др. Из ячменя и хмеля ироны варили любимый напиток алутона (пиво). В поселении жили осёдло и другие сословия: ремесленники, торговцы, строители, рыбаки... Все они являлись более низшими в иерархической пирамиде по сравнению с воинским сословием и обитали в глинобитных, сложенных из камня или рубленых бревенчатых домах. Настоящие же кочевники-аланы жили на воле, передвигались вместе со стадами в своих кибитках, участвовали в бесконечных набегах. Когда эти степные рыцари возвращались после сражений с добычей, их радостно встречало всё население независимо от социальной принадлежности, поскольку, затем, обязательно следовали пиры со щедрыми угощениями. В такие моменты весь аланский народ чувствовал единство и ощущал гордость от свершённых побед.

...Среди толпы встречающих горожан и прибывших военных снуют вездесущие мальчишки. Один из подростков с веснушками на носу спрашивает у гончара, привёзшего для продажи свои глиняные изделия на двухколёсной арбе, в которую запряжён ослик:

– Дядька, а где можно самого скептуха увидеть?

– Как заметишь вымпел с волчьей мордой, значит где-то там и сам Уархаг. А мне отсюда из-за толпы ничего не видать. Да и не к чему это, мне бы товар свой продать. Семью надо кормить, а никто не покупает, – ответил упавшим голосом ремесленник.

Один из зевак, обернувшись к гончару, сочувственно посоветовал:

– А ты смени ремесло, бедолага! Кому здесь твои горшки нужны? Видишь, как живо вон у того пивовара алутона раскупают? Сегодня все хотят веселиться вместе с победителями.

– И я бы повеселился. Только у каждого свои заботы, – грустно заметил неудачник.

– Бросай свои черепки, глиняная душа, и отправляйся в балц! Тогда испытаешь настоящую жизнь. Только там есть место подвигу и настоящему веселью, – с нескрываемым превосходством отозвался проходящий мимо молодой алан, облачённый в боевые доспехи.

– Кто-то должен вам подковать коня, изготовить оружие, соткать полотно, вылепить посуду... Не всем же воевать, – упорствовал мастер.

– Ну, тогда и не сетуй на судьбу, любезный. Гарцуй на своём осле среди стариков и женщин, – снисходительно бросил удаляющийся витязь.

– Воинская аристократия! Презирают всех нас, мастеровых, алазонов, торговцев. А сами без нас не могут обойтись, – вполголоса проворчал обиженный гончар, обращаясь к соседу, торгующему изделиями из кожи.

– Но их удачные походы оживляют торговые отношения. У населения появляются средства, и возрастает число заключаемых сделок. Посмотри, сколько сегодня ремесленников выставили свою продукцию на продажу, – отдал должное военным справедливый скорняк. – Сегодня многие мастеровые пополнят свои кошельки.

Подросток с веснушчатым носом увязался за молодым аланом в доспехах:

– Алдар (господин), это правда, что вы огромное войско массагетов обратили в бегство?

– Пойди в обоз, там, у пленников всё узнаешь! – отмахнулся герой.

– Пошли, поглядим на массагетов, – предложил дотошный юнец своему сверстнику с синяком под глазом. И оба шмыгнули в толпу.

Кругом разносились хвалебные песнопения под аккомпанемент 12-струнных фандыров, свирелей и барабанов. Жрица святилища покровителя охоты, бога Афсати, уважаемая Кулбадагус, встретила удалцов священным куваггагом – тремя пирогами с начинкой из сыра. Глава воинства Уархаг, как полагается по традиции, церемонно принял дароприношение, пожертвовав, в свою очередь, для умаствивания богов часть военной добычи. От избытка чувств многие, образовав круг, пустились тут же исполнять зажигательный танец – симд. Ликовали все, от мала до велика. Не всегда ведь набег завершался столь успешно. Одних только коней в этот раз пригнали более трёх тысяч, а коз с козлятами и того больше. Кроме того, захватили приличное количество крупного рогатого скота – коров с телятами и необходимых для обеспечения тягловой силы волов. Овечьё же поголовье с ягнятами вообще не поддавалось учёту.

Теперь каждая семья участвовавших в рейде воинов значительно пополнит свои стада новой живностью!

Кругом прямо в поле запылали костры, повеяло ароматами жареного мяса, алутон-пиво с медовым ронгом полились рекой. Праздник длился до поздней ночи.

Веселье продолжилось и на следующий день. Несмотря на полуденный зной, узкие и кривые улочки Хусдзагата были полны народа. Люди разного достатка и возраста разношёрстной толпой валили к центру на главную городскую площадь. С натруженными руками земледельцы-алазоны, ремесленники в войлочных колпаках, упитанные торговцы, отмеченные шрамами ветераны, жирные менялы, костлявые нищие, рабы в рваных рубищах, вездесущие ватаги детей – все двигались нескончаемым потоком. Кругом слышались остроты и шутки, беззаботная болтовня и хвалебные пожелания богам. Всё здесь свидетельствовало о всенародном торжестве. Площадь гудела неясным, но весёлым гулом, как растревоженный осиный рой. Жители спешили отведать выставленные за счёт городской казны бесплатные угощения: алутон, мясо, пироги. Внимание горожан было приковано к длинным столам, расположенным в центре, за которыми разместились аристократия: вожди аланских родов, главы ремесленных общин, военачальники, жрецы, состоятельные обладатели земельных наделов.

Вдруг по всему пространству площади гулко прокатились шумные и дружные рукоплескания.

– Слава Уархагу!.. Слава скептуху!.. Слава великому полководцу!..

Уархаг, появившийся в сопровождении свиты боевых товарищей, приветствовал народ полным достоинства, почтительным жестом – поднятием правой руки. Он сошёл с коня и занял место за столом старейшин, рядом с наместником царя по Гумской равнине, комендантом города, главным судьёй и верховным жрецом.

Скептуху было немногим более 30 лет. Он выделялся высоким ростом, атлетическим сложением. Густые русые волосы, покрывавшие его крупную голову, плавно переходили в бороду и волнистыми локонами рассыпались по плечам и груди. Выразительные светлые глаза излучали затаённый в их глубине неукротимый душевный пыл, а пронизательный взгляд отражал холодный рассудительный ум. Прямой точёный нос, высокий лоб и сурово изогнутые брови придавали резкости чертам лица, а могучие формы тела создавали впечатление мужественной красоты. В течение последних лет он успешно возглавляет аланскую дружину и балцы с его участием неизменно приносят успех. Вся молодёжь бредит своим кумиром и мечтает вступить в его войско. У всех на слуху его деяния, заслуги, удачи, а потому симпатии народа к военачальнику не имеют предела. Своей справедливостью и заботой о подчинённых он снискал безграничную любовь молодых дружинников и заслуженных воинов, которые из года в год, вот уже десяток лет, избирают Уархага своим предводителем. Одобрительными возгласами и бурными рукоплесканиями простые аланы выказывали любимцу свои чувства.

– Ты слышал? Говорят, скептух лично изрубил дюжину массагетов? – держа наполненный алутоном рог, обращался нетрезвый оборванец к одноглазому ветерану.

– Слышал. Только не дюжину, а целую турму! – внушительно пробасил кривой.

– А ещё говорят, на его клич сбегаются огромные волки и набрасываются на врага, яростно разрывая на куски коней вместе с седоками, – вмешался в разговор пожилой алазон.

– Не зря же его прозвище Волк! – подтвердил ветеран. – Сам покровитель волков Тутыр на службе у нашего скептуха.

– Да ну? Малость приврал ты, братец, – недоверчиво покачал головой крепкий молодец в фартуке кузнеца, оторвавшись от наполовину обглоданного бычьего ребра.

– Пусть разразит меня громовеержец Курдалагон, если я хоть чуточку солгал, – ударил себя в грудь обиженный калека.

– И чего вы зря спорите? Лучше давайте выпьем за здоровье нашего Уархага! – примиряя спорщиков, предложил земледелец.

– Смотрите!.. Смотрите!.. Уархаг первому подаёт чашу Уацамонга вождю иронов Распарагану! – перебил всех оборванец.

– Ну, ещё бы! Ирон больше всех привёз из балца скальпов – аж 18 штук. Ему самую большую долю выделили из общей добычи, почти равную самому скептуху. Мне об этом один обозник рассказывал, – резюмировал осведомлённый алазон.

А в центре площади за столами, где пировали воины, царил дух доблести и благородства. Раздавались здравицы в честь блистательного вождя и отличившихся в походе аланов. При этом часто упоминалось имя «Распараган». Соратники единодушно выказывали уважение ирону признанием его заслуг. Под плеск божественного ронга – хмельного напитка настоящих мужчин, звучало:

– Пусть удачны будут твои доблестные дни, Распараган!.. Пусть привратник Аминон долго ещё не отворяет перед тобой ворота в Страну Мёртвых!.. Да будут счастьем наполнены дни твои!..

И только один человек, тая обиду в душе, с печатью скуки и апатии на лице, обуреваемый честолюбием, с завистью размышлял:

– Скопище глупцов, хвастунов, пустословов. Словно бога прославляют проклятого ирона. Пусть всю жизнь его преследует проклятие!

Всеобщее почитание триумфатора, омрачало душу Саурмага, навлекая большую ненависть на доблестного соперника, от чего аорс делался мрачнее тучи в осеннюю непогоду.

– Пусть горе постигнет твой очаг, о ненавистный ирон! Да умрут у тебя столько родственников, сколькими похвалами осыпали тебя сегодня! – насылал проклятия неугомонный злопыхатель.

Удобное место на берегу Сауфурда некогда избранное для стоянки кочующими со стадами племенами со временем стало постоянным стойбищем Ардоз. Теперь здесь обосновалось племя иронов. Каждая состоятельная семья построила свой хадзар (дом) с загонами для скота, изготовленными из плетней. Домом обычно управляла афсин (старшая женщина), она же считалась главой рода и хранительницей священных семейных реликвий – надочажной цепи Сафы с медным котлом, в котором готовилась пища. Под её началом и попечительством находился старейшина и другие члены рода, не кочующие со стадами из-за немоги либо по каким-то иным причинам.

У кочевников, наряду с воинами, уважаемыми считались пастухи, поскольку с них начинала развиваться аланская общность. Они издавна строили из войлока свои кибитки на 4-х и 6-тиколёсных повозках, запряжённых волами. На ночь повозки выстраивали в круг – так в случае необходимости легче было отбивать нападения, а всё стадное поголовье загоняли внутрь

такой цитадели. Этот веками отлаженный способ позволял выживать в существующей жестокой действительности.

С возвращением войска из похода жизнь на стойбище Ардоз оживилась. Даже безумный Малсаг ликовал, неуклюже подпрыгивая на одной ножке и сотрясая лохмотьями:

– Ироны! Сегодня над вами боги распростёрли объятия, даруя чистое небо. Покровитель воинов Хсарт посылает богатые дары. Пользуйтесь этим благом, пока владыка ветров Галагон не разразился бурей и не нагнал чёрные тучи. Боги решили, что настало время празднеств и пиров...

Разделив добычу, отпраздновав победу и похоронив в родовых склепах погибших, мужчины приступили к образованию семейных пар. В аланском обществе царил моногамия и прекрасные представительницы слабого пола были совершенно свободны в выборе сексуального партнёра или спутника жизни, они обладали такими же правами, как и мужчины. Все аланские женщины владели оружием и нередко наравне с мужчинами участвовали в сражениях, особенно если приходилось отражать нападения желающих посягнуть на их имущество врагов.

Иронский род Распарагана не был многочисленным, – так, десятка два устойчивых семейных объединений, которые спланивались авторитетом своих стариков. И были кратковременные супружеские союзы, возникавшие на время, свободные от походов. А походы нередко длились по 2-3 года и дольше, и представители обоих полов отнюдь не сковывали себя обетом верности, тем более, что довольно часто воинственные аланы вовсе не возвращались назад, сложив голову где-нибудь далеко на чужбине. О детях заботилась семья и весь род: были старшие наставники из числа дядюшек и тётюшек, старики передавали историческую память народа, рассказывая древние легенды и сказания, жрец приобщал к сложившимся вековым традициям и даже обучал иранской клинописи – письменности на глиняных табличках (собственного письма в 1 веке нашей эры у аланов не было). С раннего возраста аланская ребятня овладевала верховой ездой, состязалась в единоборствах и упражнялась в стрельбе из лука, а также, помогала взрослым управляться со стадами во время кочёвок. Суровая вольная жизнь со многими опасностями закаляла дух, воспитывая воинов, готовых всегда противостоять любым опасностям.

У Распарагана была любимая женщина. Звали её Дзерасса, и 7 лет назад она осчастливила воина сыном, которому жрица племени дала имя Ахсартаг. Но после их последней встречи прошло уже более трёх лет – всё это время предводитель иронского отряда провёл в далёких набегах и теперь не знал, свободна ли его возлюбленная. По существовавшему обычаю вернувшийся из похода воин клал свой меч со щитом у входа в жилище избранницы и, если с наступлением темноты его оружие заносили внутрь – значит, женщина не отвергла его и ожидает в своих покоях.

Согласно древней традиции и поступил ирон, оставив оружие с изображением орла на щите – свой отличительный воинский символ – у входа в жилище возлюбленной.

Большую часть времени вернувшиеся из похода мужчины проводили в пирах и забавах. Аланы не умели хранить награбленное богатство про запас и расточительно проживали захваченные в кровавых сражениях трофеи: одаривали всех подряд привезённым оружием, раздавали одежду и украшения, без учёта резали скот и целыми тушами жаривали на вертелах. Столы ломались от яств: наваленного кусками мяса, пирогов, алутона-пива и медового ронга. В священных дзуарах (святилищах) посвящали щедрые жертвы богам. Все привыкли к тому, что, когда запасы иссякнут, аланы отправятся на новые грабежи. А пока в своё удовольствие состязались в скачках, стрельбе из лука, единоборствах. Если надоедало такое однообразие, отправлялись на охоту, благо, в окрестностях в изобилии водились косули и олени, волки и лисы, зайцы и медведи, вепри и зубры, а также, обитало много пернатой дичи.

На ночлег теперь Распараган отправлялся в кибитку к Дзерассе. Там общался с сыном, наставником которого был Амизок – родной брат вождя иронского воинства. Амизок не участвовал в походах, поскольку являлся калекой – в одном из сражений ему отрубили левую руку по локоть. Матери у братьев не было, её много лет назад во время грозы затоптал в степи обезумевший от ужаса лошадиный табун. Старшим в семье являлся отец – старый Уадже. Внуку Ахсартагу дед рассказывал передаваемые устно из поколения в поколение предания, в которых отразилось понимание существующего мироустройства, народные традиции и опыт предков. Всё добытое в походе – скот, оружие, рабов Распараган роздал ближайшим родственникам. Кое-что перепало и матери сына Дзерассе. Ну а как же иначе? Ведь теперь воин поселился в её кибитке.

А назавтра удачливый ирон решил устроить для сородичей праздник.

– По какому поводу? – поинтересовалась любимая.

– Ты совсем забыла, женщина, что в такой же летний день мы впервые повстречались.

– Да-да! У родника. Это когда ты решил прихвастнуть передо мной и так огрел плёткой своего коня, что он от неожиданности взвился на дыбы и сбросил тебя прямо лицом в грязь, – заразительно рассмеялась Дзерасса.

– Ох и коварны все женщины! – нарочито обиженным тоном произнёс Распараган. – А я ведь так хотел произвести впечатление. Вместо сочувствия всегда норовите посмеяться над горем мужчины.

– Ну да. Это было настоящее горе! Ты так расшиб себе нос, что кровью забрызгал свою щёгольскую курточку. Мне так её было жаль.

– Эту обнову отец мне привёз из набега на Гирканию. Там он убил какого-то греческого торговца и среди прочих трофеев нашёл ту куртку.

– Ты был так неотразим в ней, – посерьёзнев, призналась насмешница. – Я сразу в тебя и влюбилась. Этаким стройный розовощёкий юноша.

– Ох, было время, – грустно протянул Распараган.

– На кого теперь стал похож. Вот полюбуйся, – протянула плутовка бронзовое китайское зеркальце.

В шлифованной поверхности отразился мужественный лик с благородными чертами ария: высокий лоб, прямой точёный нос, строгие голубые глаза. Спадающие на плечи локоны мягких русых волос и шелковистая борода красиво окаймляли овал лица. Правда, природные пропорции облика несколько искажались полученными в боях шрамами: один рубец пролёг через всю щеку, другой – поперек лба, косо рассёкший левую бровь. Но это вовсе не портило впечатления, а напротив, придавало внушительную суровость обладателю столь колоритной внешности.

– А что? Ещё ничего себе! – отмахнулся алан.

– Только весь поцарапанный. Вот и седина пробивается в бороде, – нежно прильнув к могучей груди возлюбленного, хозяйка дома принялась игриво наматывать на пальчик пучок его бороды.

– Раненый и седой – ещё не покойник! И нечего надо мной причитать.

– Слушаюсь и повинуюсь, мой повелитель! – покорно откликнулась Дзерасса, горячим поцелуем прервав шутивную семейную перепалку...

Устав от любовных утех, счастливая женщина погрузилась в сон. А Распараган, продолжая обнимать её ладный стан и нежась отвыкшим телом в мягком удобном ложе, размышлял о любимой:

– Как тепло и уютно в её нежных объятиях. А какая она замечательная хозяйка! С полдюжины своих кибиток содержит в образцовом порядке. Вот эта, жилая, разделена войлочными перегородками на несколько удобных комнат. Здесь и помещение для приёма гостя со щедрым фынгом (стол с яствами), и хозяйская опочивальня, есть спальня сына, чулан для хранения

припасов. Всё, как и положено в быту аланского кочевника. И ко всему этому, сама хозяйка – статная красавица. Нет! Только с ней я готов навсегда связать свою судьбу.

С этими сладкими мыслями он погрузился в сон...

Утром фидиуаг (глашатель) объявил: сегодня кафтисар Распараган заколет белого быка и приглашает иронов на пир!

Любопытные спрашивали:

– Почему белого быка? Разве у него родился сын? Или сегодня какой-то другой праздник?

Другие предполагали:

– Его приняла к себе красавица Дзерасса! Разве это не повод, чтобы заколоть белого быка?

Но старик Уадже заверил:

– Сын мой желает жертву сию посвятить Богу-Солнцу. Да будет удача сопутствовать в делах его ратных!..

Издавна племя иронов кочевало вдоль Сауфурда – одного из притоков Танаиса (река Дон) и поэтому считало эти территории исконно своими. Здесь находилось много иронских поселений, стойбищ, капищ. Святилище Артхура расположилось на высоком берегу, и было огорожено каменной кладкой. С высоты обрыва далеко виднелась простирающаяся Сухская степь, где свободно паслись стада аланских животных. Иногда вблизи стремительно проносились стайка диких сайгаков или на каком-нибудь холме возникал вдруг величественный олениный силуэт, увенчанный ветвистой короной рогов. В небе плавно кружили стервятники, высматривая добычу: какую-нибудь падаль или неосторожно появившуюся пичужку. А то, временами, поднимавшаяся из глубин реки рыбина тревожила степенный бег водяной струи громким неожиданным всплеском.

Здесь, в центре дзуара, на каменном жертвеннике жрица племени иронов Ацурухс разожгла священный огонь и обратила к небу молитву:

– О, Бог богов, слава тебе! Прости рабов своих неразумных за все прегрешения пред ликом твоим светлым и направь по пути праведному. Пошли своё высокое благословение на дела наши земные. О, Артхур, нашим младшим, что жизнь свою начинают, помоги устроить её счастливо. А если кто захочет на нас попробовать свои силы, пусть сам той силы лишится...

Будто внимая словам прорицательницы, солнце появилось из-за сгрудившихся облаков, радостно пролив тепло своих лучей на головы земных обитателей. Служительница культа продолжала:

– О Бог-Солнце, очисти своей милостью от скверны белого этого быка и прими в жертву от нас. Да падёт твоя благодать на земли аланские!..

Жрица зажгла лучину от священного огня и освятила ею всех собравшихся на кувд (обряд культового жертвоприношения). Затем, увенчав рога венком из полевых цветов, этой же лучиной произвела ритуальные движения возле лба жертвенного животного. По окончании обряда старый Уадже трижды обошёл с быком вокруг святилища, рассказывая следующим за ним сородичам подвиги своего отважного сына и прославляя его добродетели. После завершения ритуала однурукий Амизок ловким ударом меча перебил позвоночник животному, и младшие быстро освежевали тушу. Тут же разделали десяток овец, чтоб на всех вдоволь хватило мяса. И запыхали вокруг святилища костры, распространяя аппетитные запахи. Младшие прислуживающие обносили приготовленными яствами размещившихся за расположенными вокруг святилища столами пирующих. Самому старейшему – Уадже уважительно подали приготовленную на костре баранью голову, олицетворяющую достаток и изобилие. А на жертвеннике, тем временем, посвящённая Богу, дымилась бычья лодыжка и по священному камню стекали струйки медового ронга. Небожители должны насыщаться видом и ароматами принесённой в их честь жертвы, а столб дыма призван помогать поддерживать небесный свод.

Начался пир. Уадже традиционно наполнил до краёв почётную нуазан-чашу, предназначенную для уважаемого человека, и преподнёс её Распарагану:

– Пусть Артхур будет милостив к тебе, сын мой! В благополучии пребывай до скончания века!

– Да будет славной твоя старость, отец! – ответил сын и не спеша осушил нуазан.

Достаточно насытившись, зачинщик пира подошёл к столу, где разместились женщины и дети:

– Мир вам, аланские жёны! Пусть Бог воздаст вам по заслугам. Вы храните священную надочажную цепь Сафу и семейный котёл. Вы приумножаете наше потомство. Вам хочу посвятить зажигательный симд.

С этими словами алан подхватил красавицу Дзерассу и повёл в танце. Грянули, отбивая ритм, барабаны, зарыдали свирели, ласковым перебором разлились 12-ти струнные фандыры. Нежной лебёдушкой поплыла гордая аланка. Соколом увивался вокруг неё великолепный Распараган, лихо выписывая невероятные коленца. Публика жарко аплодировала, не жалея собственных ладоней. Азартные крики «ас-са!» далеко разносились в округе. И те, кто не пожелал дальше сдерживать эмоции, бросились в круг, чтобы выплеснуть в танце переполненные чувствами души.

Ритуальное торжество, посвящённое богу Артхуру, свершилось. Славное племя иронов повеселилось изо всех сил. Праздник удался на славу!

Глава 5

Ахсартаг обожал отца и гордился им. Дядя Амизок говорил:

– Распараган отважный воин. Многими подвигами прославил наш род. И ты будь достоин отца своего.

– Что я для этого должен делать? – недоумевал малец.

– Дух закаляй и тело! – поучал наставник, делая осторожный выпад и ткнув деревянным мечом в грудь зазевавшегося воспитанника.

– А ещё, не отвлекайся на занятиях и хорошо усваивай всё, чему я учу, – строго продолжал дядя, вздохнув укоризненно.

– После дневной дойки кобылиц снова стрельба из лука? – в надежде услышать «нет», вопрошал Ахсартаг.

– ... и урок единоборства на сегодня, – вторил ему учитель.

Так воспитывали детей с раннего возраста в аланских семьях. К тому же, дядя платил по барану в месяц жрице Ацурухс за то, что раз в неделю она обучала Ахсартага персидской письменности на глиняных табличках.

– Грамота всегда пригодится в жизни, – уверял однорукый педагог.

Когда дядя был занят по хозяйству, Ахсартаг убегал к деду послушать его мудрые речи. Уадже знал много легенд и сказаний и всегда рад был уважить внука. У старика на все вопросы обязательно находился ответ.

Спросил как-то внук у деда:

– Скажи, дада, откуда взялись ироны?

И старец поведал предание:

– Раньше ироны жили счастливо и мирно, совсем близко к Богу, на благодатных склонах простирающейся до самого неба горы Меру. Та страна называлась Гипербореей. На горе были живописные террасы с плодородными земельными угодьями, где росло много плодовых деревьев. А внизу на необъятных просторах паслись неисчислимые стада оленей и туров, табуны диких коней свободно резвились на воле, даже лохматый носорог там обитал. И в тех краях охота всегда была удачной. На остроконечной верхушке горы Меру держалась самая яркая звезда Бонварнон. И день там длился полгода. И в небе случались разноцветные сияния – так Бог радовался на благочестивую жизнь иронов. А ещё в тех степях водились покрытые шерстью слоны с огромными бивнями, из которых смелые юноши-охотники делали красивые украшения и дарили своим возлюбленным. Там обитали такие громадные быки, что мяса их хватало семье на весь год.

За все эти блага люди ежегодно должны были приносить в жертву злему кровавому богу смерти Одину самого отважного юношу. Но однажды ироны не совершили жертвоприношения, и бог преисподней разгневался и не пустил солнце на небо. Наступило небывалое похолодание. Всё живое и растения замёрзли, земля покрылась льдом. И оставшиеся ироны ушли на юг, где поселились в стране Ир. На новом месте им долго пришлось воевать с могущественным и многочисленным народом сихов, которые изгнали пришельцев из новых земель.

Так наши предки оказались в этих степях. И привёл их сюда могучий Ос-Багаир. Многими подвигами прославил себя этот герой. После смерти он не попал в Царство Мёртвых, а вознёсся на небо и поселился среди богов. Там и сейчас покровительствует нашему народу.

– Дада, а давно это было? – живо заинтересовался Ахсартаг, проникнувшись историей племени.

– Так давно, что с тех пор родилось 100 поколений.

– Ого, сколько времени прошло! Но откуда ты знаешь эту историю, ведь тебя тогда ещё самого не было на свете?

– Мне её, вот так же, как я тебе сейчас, мой дед рассказал. А ему его дед. И так далее. Так и сохраняем мы историю нашего народа в веках. Вот теперь и ты её знаешь. А значит, расскажешь своим внукам.

– Хм! Ты же знаешь, я никогда не женюсь. Ну их, этих девчонок. Они все такие ябеды и плаксы, – презрительно хмыкнул мальчишка.

– Разве это плохо – иметь собственную семью? Ничего, вот вырастешь и влюбишься – тогда по-другому будешь рассуждать.

– Ну нет! Мне некогда будет глупостями заниматься. Я, как отец, всегда буду в походах. И убью много врагов. И всего коня покрою снятыми с врагов скальпами. Я прослаблю наш род великими делами. Знаешь, дада, мой дядя Амизок говорит, что я хороший ученик и делаю успехи. Значит, из меня получится знатный воин.

– Всё оно так! – согласился старик. – Но у отца твоего есть Дзерасса и есть ты. И это не мешает ему храбро сражаться. А когда он состарится, то захочет иметь собственных внуков. Так неужели ты не доставишь такую радость ему?

– Ладно! – подумав немного, согласился Ахсартаг. – Убедил ты меня. Я подумаю, кого из наших девчонок взять себе в жёны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.